

Бредущие СКВОЗЬ Лабиринт

18+

Мансуров Андрей

Андрей Арсланович Мансуров

Бредущие сквозь Лабиринт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69620278

SelfPub; 2023

Аннотация

Нечасто – А, точнее, никогда! – не выпадает пожилым людям возможность... Помолодеть! И вновь ощутить себя полным сил, и здоровым! И если платой за это являются странные и опасные опыты, которые над ними проводит кто-то, ну очень похожий на веземной разум – так и ладно! Молодость и любовь того стоят!

Андрей Мансуров

Бредущие сквозь Лабиринт

Выпустив ещё одну очередь в сторону оконного проёма, Керк перекатился под прикрытием жалких остатков стены, и оказался за старой крышкой. Не слишком-то надёжная защита, пусть этот толстостенный монстр и от какого-то гигантского колёсного агрегата, типа погрузчика «Комацу».

Зато – куда ближе к врагу!

Он заорал:

– Прикройте!

Две тут же полившиеся справа и слева очереди дали понять, что с позициями и с патронами у тех, кто выполнил его команду, всё в порядке. Керк, уже успевший сменить магазин, бросился вперёд, поливая пока не огрызающийся проём градом свинцовых ос, влетающих в темноту прямоугольника, или выбивавших фонтанчики крошек битого кирпича из стен вокруг него.

Он с разбегу треснулся плечом о стену под проёмом, и только тогда прекратил стрелять. Его напарники прекратили стрельбу ещё раньше: когда он побежал вперёд.

Открыв подсумок, Керк достал не глядя два цилиндра, выдернул первую чеку. Аккуратно перебросил через подоконник, после чего метнулся вдоль стены к соседнему проёму. Рука мягко забросила туда вторую гранату.

Осталось только кинуться наземь, и закрыть голову руками – от осколков и крошки штукатурки, что посыпалась сверху, когда обе гранаты с разницей в секунду рванули...

Не дожидаясь, пока осядет облако пыли, он подпрыгнул, и ухватился за подоконник, подтянулся. Влез без колебаний, автомат даже закинул за спину: был вполне уверен в действии наступательных средств для подавления противника.

И точно: в полумраке полуобвалившегося перекрытия, чудом сохранившегося в комнате разрушенного почти до основания здания, в дальнем углу, лежал поверженный враг. Он даже не стонал. Чёрная лужа, уже натекшая под телом говорила о множественных ранениях, явно «несовместимых с жизнью». Жутко воняло плесенью и пылью: пыль вообще лежала на всём – на осколках битых кирпичей, на остатках развалившейся мебели, и, разумеется, на полу.

Керк подошёл поближе к телу. Да, здесь буквально веяло смертью: омерзительный привкус меди на губах сказал ему, что кровь существа тоже на основе гемоглобина...

Оружие, до неправдоподобия напоминавшее АК, валялось рядом с поверженным противником: поразительно, как схожие цели приводят к конвергенции технических решений.

Впрочем, вряд ли дело в этом: вероятнее всего это – выбор устроителей. Да оно и верно: незачем мудрить, снабжая их врагов каким-то другим оружием. Другое дело сами враги – вот над их образом явно мудрил не один инженер-кре-

ативщик!

Керк на всякий случай снова передвинул на грудь свой АК.

Но – нет. Остекленевшие глаза навывкате сказали, что существо действительно мертво. Керк постоял, чутко вслушиваясь в гнетущую тишину, сам не зная зачем – может, подсознательно хотел убедиться, что больше никто им в этой дыре не угрожает?..

Наконец он осторожно присел рядом. Потом и встал на колени.

Приложил руку к шее – пульса нет. Впрочем, чёрт их знает, этих искусственно созданных тварей: может, у них и не бывает пульса на шее?

Он пощупал непосредственно грудь. Даже приложил ухо. Нет. Ничего там не бьётся. И глаза... Он пальцами прикрыл по очереди все три огненно-красных буркала размером с небольшое яблоко. Бр-р-р!..

Сплюнув набившуюся в рот крошку штукатурки, Керк покачал головой. Если б не эти три глаза и костяной гребень по всей длине шеи и спины, издали этого монстра можно было бы запросто принять за человека: две руки, две ноги... Даже камуфляжный костюм почти как у них самих.

И почему это существо отказалось пропустить их?

Ведь Керк и правда: не собирался причинять ему вреда – он только хотел провести свою команду к выходу с этого Уровня... Жаль, конечно, что оно не понимало их языка.

Хотя, может, это именно его, Керка, преувеличенно спокойные и медленные жесты, и попытки договориться миром, существо как раз и восприняло как агрессию, и покушение на его территорию?

Конечно, всё может быть и так. Но теперь уже поздно предаваться бессмысленным сожалениям: именно вот этот «парень» и начал первым ругаться на них, а затем – и делать непристойные жесты. А затем – и стрелять!

А то, что их именно – оскорбляют, догадаться труда не составляло. Некоторые жесты весьма однозначны, к какому бы типу или виду не принадлежало разумное существо.

Керк вернулся к проему окна и свистнул. Помахал рукой. Две тени в камуфляжной одежде отделились от неровностей местности, и бесшумно направились к нему.

Керк снова вздохнул, оглядывая типичный постапокалиптический ландшафт за их спинами, освещаемый тускло-оранжевыми лучами предзакатного солнца, и мысленно выругался: и как это он в свои почти семьдесят дошёл до жизни такой?

А ведь как почти невинно и мило всё начиналось!..

– Нет, вряд ли мы – подобраны случайно. – Керк отвечал преувеличенно спокойно, стараясь тщательно подбирать слова и контролировать тон, зная, что одна из них только и ждёт промашки, оплошности с его стороны – любого повода, чтоб устроить очередную истерику, – Скорее, как мне ка-

жется, в подборе людей, то есть, нас, имеется некая система.

– Система?..

– Да. Понимаете, Рахель, – он перевёл взгляд на сморщенную кожу лица партнёрши справа, задавшей этот вопрос, и постыдился опустить взгляд ниже – на ещё более сморщенную кожу расплывшегося и уже почти бесформенного тела, – в инопланетян я не очень верю. А вот, скажем, в очередные «поведенческие» эксперименты нашего неплохо финансируемого Правительством военно-промышленного комплекса – очень даже. Тем более что – посмотрите: здесь нет ничего такого, чего не могли бы, в принципе, создать наши современные, земные, наука и техника.

Собеседница Керка никак не отреагировала на его попытку обвести окружающее их пространство рукой – цепкий взгляд умных и до сих пор очень красивых и выразительных миндалевидных глаз продолжал оставаться прикованным к его лицу.

Керк взгляд выдержал, хотя от собственных страха и злости ему хотелось вопить.

Но он понимал, что если позволит этим эмоциям выплеснуться наружу, остальным его вынужденным «коллегам» по крысячему лабиринту может стать совсем плохо: судя по знакомству, последовавшему за ним разговору, и некоторым другим признакам, кое-кто из «избранных» наверняка не привык принимать самостоятельных решений. А привык как раз к тому, что кто-то «взрослый», а затем и более «умуд-

рѣнный», ведѣт его по жизни за ручку. А любые возникающие проблемы можно решить простейшим способом: устроив очередной визгливо-истеричный скандал этому самому «поводырю»...

– Так вы и правда считаете, что этот комплекс построили военные? – это снова, решив, что обиду на его отповедь можно высказать и потом, влезла вечно хмурящаяся, и требующая от всех подробных объяснений, так, словно они обязаны ей их дать, Агнетта. Хотя Керк не совсем понимал, с какой бы это стати он должен отчитываться перед этой фактически незнакомкой. Открыто и недвусмысленно выражавшей своё неприятие и скепсис, что бы он ни сказал. Обрюзгшее лицо со складками жира, и шея в «четверном» подбородке, плюс омерзительно неприятно выглядящее без одежды тело, ещё более расплывшееся, чем у Рахель, невольно вызывали раздражение, которое лишь усиливали обращѣнный к нему злобно-презрительный взгляд и ядовитый тон.

Если честно, объяснять этой скандалистке больше ничего не хотелось. Хотелось лишь одного: послать её, наконец, не «культурно», а так, как положено: туда, куда посылают в такой ситуации откровенных идиотов его знакомые русские. Тем более что он абсолютно не представлял, как можно в *такой* ситуации объяснить хоть что-то.

– Да, это вероятно. Но я лично предпочитаю другой вариант объяснения. Куда более простой.

– Какой же? – теперь на него смотрело три пары глаз: недо-

верчиво-сердитых, настоженных, и удивлённых.

Гос-споди! (Прости, что помянул все!) Неужели они и правда – ждут, когда он всё им конкретно и подробно разъясит?! И – главный вопрос! – неужели им от такого объяснения, существуй оно на самом деле, станет легче?.. Или поможет выбраться отсюда?!

Давно уже он понял, что никто их отсюда просто так не выпустит – «спасение утопающих – дело самих утопающих!» И если они хотят выбраться, придётся-таки...

Поработать.

– Вариант наиболее рациональный, – при этих словах Агнетта откровенно скривилась, презрительно смерив его взглядом инквизитора – с лысеющей макушки до покрытых густой вязью синих вен ступней сорок четвёртого размера, – и действительно очень простой. Вы смотрели реалити-шоу «Дом-2»? Или, скажем, фильм «Бегущий в лабиринте»? «Хищники»? Ну, или совсем старый – «Бегущий человек», со Шварценеггером? – пока он встречал лишь недоумённые взгляды и отрицательные качания седыми головами, – Ну а может, хотя бы серию передач «Остаться в живых», ну, ту, где нужно было выжить на необитаемом острове в океане?

На этот раз двое – Рахель и Агнетта закивали. Оно и верно: они в таком возрасте, что эту передачу почти полувекковой давности могли помнить. Сам Керк помнил её только потому, что как раз закончил школу, и расхрабрился до та-

кой степени, что даже собрал кучу нужных справок, и подал заявку...

Ничего из этого не вышло – он не был тогда сколько-нибудь известным человеком. (Собственно, как и сейчас.) Однако кое-какими другими достижениями за эти пятьдесят лет похвастаться было не стыдно. Хотя бы в плане обеспечения семьи средствами для небедного существования, и недвижимостью, прикупленной на «чёрный день».

– Ну так вот. Суть проста: несколько случайно, или по неизвестному принципу избранных людей, так называемых «приключенцев» помещают в изолированное место. Им представляют лабиринт, чтоб пройти. Или задачи и проблемы, которые нужно решить. Решить для того, чтоб получить бонусы. Или пищу. Главное – чтоб при этом им приходилось как можно более сложно, мучительно, и из последних сил, действовать.

– Но... Почему?!

– Потому что за этим самым – за мучениями и проблемами участников, за их преодолением заданий на пределе сил, или за их зубодробительными скандалами и разборками, отчаянием и слезами, внимательно следит многомиллионная телеаудитория!

Причём прошу заметить: эти самые отчаяние и слёзы – подлинные! Потому что игрой актёров все избалованные за эти долгие годы (пока такие шоу делали высокие рейтинги!) зрители, уже пресытились... А продюсеры, потирая волоса-

тые загребущие ручки, подсчитывали в эти самые годы-сезоны барыши. От обирания рекламодателей.

– Чёрт! Так мы тут что – типа, участники телешоу?!

– Ну да. Во всяком случае я для себя это так объяснил. Потому что эти самые постановочные шоу, со взрослыми – кинозвёздами или просто случайными кандидатами, подростками, или «гениальными» детьми – уже сидят у зрителя в печенках.

И вот теперь кто-то умный додумался использовать для этого нас. Стариков!

Едва способных двигаться. Ворчливых, озлобленных, и обременённых целой кучей болячек, – он выразительно посмотрел на Агнетту и её варикозные ноги, – и комплексов! – Агнетта вспыхнула, и уже открыла было рот, и он поспешил закончить свою мысль, повысив голос:

– А что, очень даже логично: раньше же такого не было?! Ну вот вам и объяснение! Причём, как мне кажется, как раз самое вероятное.

– Да бросьте!.. Какому идиоту могло прийти в голову, что глядеть на старые обрюзгшие тела и слушать малоразборчивое ворчание беззубых ртов, в основном сетующих на свои болячки, будет интересно?!

– Возможно, конечно, что и так, Рахель – то есть, никому... Но факт – вот он: мы здесь! И вокруг – явно Лабиринт! Значит, аналитики и ответственные менеджеры одного из ведущих каналов ТиВи чего-то там рассчитали, и мы, похоже

– будущие телезвёзды! И если выживем, нас будут узнавать на улицах и тыкать пальцами... И просить автографы.

– Это *вам* так кажется. «Телезвёзды»!.. «ТиВи»!.. А мне лично кажется другое. – на лицо Агнетты было бы приятно смотреть. Лет так сорок назад. Теперь же поджимание тонких блёклых губ с явственно чернеющими усиками над ними, действительно обрюзгшие щёки, и неаппетитно выглядящее подёргивание отвислой груди, когда женщина пыталась скрыть нервные движения плеч, вызывали лишь брезгливость и неловкость. Слава Богу, что, к счастью, наиболее интимные места всех «участников» оказались скрыты под трусами – хотя бы этот элемент одежды «устроители» посчитали нужным им оставить.

Вероятно, чтобы выполнить условие цензуры про «16+».

Однако Керк не потрудился, как от него явно ждали, спросить, что же думает соратница по несчастью, и это сделала за него четвёртая, до сих пор предпочитавшая помалкивать, зато при этом всё окружавшее продолжавшая внимательно оглядывать, а иногда и ощупывать, участница: Полина:

– И что же вам кажется, Агнетта?

– Что никакое это не телешоу! И всё это придумал он. – указующий перст вонзился в центр груди Керка, очередной злобный оскал исказил морщинистое лицо, превратив и без того страшную маску, имевшуюся там, в гримасу Горгоны-медузы, – Это он: всё это и придумал, и сделал! Наверняка у него достаточно денег для того, чтоб позволить себе

и не такое!

Керк подумал, что оно верно: денег-то теперь, на старости лет, достаточно. Но...

– Но для чего бы мне это могло понадобиться?

– Как – для чего?! Поиздеваться и посмеяться вдоволь. Развлечься на старости лет! Унизить нас, женщин! А потом и поиметь всех нас! Потому что если это и правда – шоу, и он его придумал, и выяснил у этих самых «продюсеров», как и почём его продать – чего ж ещё от нас будут ждать?! Только того, чтоб мы тут и правда – перетрахались, а потом и перегрызлись, как пауки в банке!..

Керк рассмеялся. Просто и открыто. Покачал головой, но сказал, не желая указывать женщине, что она сама себе противоречит:

– Надо же, а я-то себя считал параноиком... Нет, уважаемая. Не хочу никого обидеть, но уж если бы это шоу устраивал я, я б озаботился набрать *себе* девочек...

Помоложе.

Керк не стал говорить, что и посимпатичней, и повыше ростом, и поздоровей, и не столь вредных и злобных, так же промолчал и о том, что мужской климакс обычно необратим, и насчёт «перетрахаться» – ну никак!.. Но промолчал, лишь снова многозначительно посмотрев женщине в глаза.

Ответный взгляд буквально светился ненавистью! А ведь он даже не намекнул на то, что с возрастом многие старухи... Становятся просто склочными и злопамятными меге-

рами. Бабами Ягами. Ненавидящими всех, у кого есть ... в штанах. При этом превращаясь из милых старушек в нелюбимых любительниц кошечек или вычурно-идиотски выглядящих собачек. Которых нормальные люди избегают. И которых так и хочется...

Нет, не посадить в «паучью банку», и уж тем более – не «трахнуть», а просто...

Сжечь на костре!

Глядеть на их молчаливую дуэль первой надоело Рахель. Она буркнула:

– Может вы перестанете играть в «кто кого переглядит», и мы, наконец, пойдём?

– Идите! – Агнетта вновь дёрнула плечом, отчего уже и складки на животе затряслись, – Я никого не держу! Но и позволить какому-то старому маразматичному идиоту помыкать мной, или приказывать мне, я никому такого не позволю! И никогда не позволяла! Есть у меня и свои мозги! – последовало постукивание пальцем, скрюченным, как у какого-нибудь грифа-стервятника, по виску, покрытому тонкой кожей в пигментных старческих пятнах, – Дожила до седин прекрасно, и никого не спрашивала совета!..

То, что от злости женщина не могла чётко сформулировать мысль, или нормально построить предложение, Керка уже не забавляло.

Он вздохнул, постаравшись только скрыть облегчение:

– Возможно, это как раз именно то поведение, которого

и ждут от нас организаторы или режиссёры этого шоу. Чтобы мы переругались. И разделились. Тогда с нами будет проще справиться. Поодиночке.

– Не знаю, как насчёт – поодиночке. Да и кто тут будет с нами «справляться». Но с чего это вы взяли, как вы говорите, «уважаемый», что нам нужно куда-нибудь идти?

Керк подвёл глаза к белому потолку. (Вот достала его эта, почему-то крайне агрессивно всему, что бы он ни высказал, или предложил, противодействующая, брюзга! Может, на уровне подсознания он напоминал-таки ей кого-то из «бывших»?..)

Он вздохнул поглубже. Напомнил себе ещё раз: он имеет дело с женщинами. Причём – пожилыми. С полным набором прочно устоявшихся «жизненных установок». То есть – штампов и стереотипов в мышлении и поведении. Когда разумные решения подменяют просто рефлексы: типа: «в такой вот ситуации я вела себя вот так, и это помогло! Почему же снова не попробовать этот проверенный вариант?!»

Ну и, разумеется, комплексы.

Которые присущи всем консерваторам. Которых очень трудно в чём-либо убедить. Или даже хотя бы попытаться это сделать.

Поэтому он просто повторил уже высказанные доводы:

– Мы уже обошли этот зал. Обыскали весьма тщательно. Вы видели что-нибудь похожее на источник воды? А пищи? Ну вот то-то. Поэтому если будем «просто сидеть здесь», как

вы предлагаете, и ждать, когда «это безобразия прекратится само!», рискуем погибнуть через двое-трое суток. От обезвоживания.

Потому что здесь, как мне кажется, около двадцати пяти – двадцати шести по Цельсию. То есть – очень тепло. Чтоб мы даже обнажёнными, – Полина криво усмехнулась, Рахиль переглянулась с ней, Агнетта покраснела и на этот раз смогла удержать руку, снова автоматически дёрнувшуюся прикрыть то, что когда-то гордо именовалось грудью, а сейчас скорее напоминало обвисшие флаги, иногда колыхаемые ветром, и снова сердито поджала и без того тонкие губы, – не простудились.

Это, конечно, верно – иммунитет у нас, преста... э-э... пожилых людей – ослаблен. Так что подстраховочка, так сказать, не повредит. Но! При такой тропической температуре испарение с поверхности тела большое. Следовательно, если не хотим стать «вредными и негибаемыми баранами», и показать потенциальным зрителям, какие мы принципиальные и... глупые – то сдохнем прямо здесь, никуда не двигаясь, буквально через пару дней. Лично я намерен всё же поискать.

– Чего же?

– Источников воды и пищи.

– И как вы их себе представляете?

Керк прикрыл на секунду глаза. Уж больно хотелось заржать на тупую суку: «откуда я могу знать, ...банашка?!». Но

сказал другое:

– Однажды я видел документальный, старый, фильм. Про то, как учёные-этологи (ну, это те, кто занимается изучением поведения: отдельных особей и групп животных) проводят свои эксперименты. Там в клетке подопытной особи всегда есть рычаг. Если животное верно выполнит то, чего дают ему для исполнения или решения учёные – ну, там, откроет какой-то замок, или пройдёт лабиринт, или просто верно решит какую-либо задачу – оно получит шарик белковой массы. Который выпадет в специальный лоток при нажатии на рычаг.

– А если не выполнит? – повисшую гнетущую тишину нарушила Полина.

Керк подумал, что из всех них она выглядит наиболее хорошо сохранившейся: тело аскетичного типа и лишь чуть усохло. И смотреть на поджарую и стройную, пусть и несколько плоскую фигуру куда приятней, чем на ламантинские жиры Агнетты.

– Если не выполнит – может хоть тысячу раз нажимать рычаг. Ничего не выпадет.

– Ну спасибо. – Агнетта теперь не могла решить, на ком зафиксировать злобно-обвиняющий взор, на Полине, или на Керке, – что сравнили меня с лабораторной крысой!

– У вас мания величия. Мы здесь все сейчас на положении этих самых крыс. Так что можете оставаться. Но то, что *здесь* никакого «рычага» нет, вы видели сами.

– Я никуда не пойду!

– Ну и ладно. – Керк снова пожал плечами, – Воля ваша. Однако, как сказал в такой же ситуации главный герой фильма «Хищники», – Я пойду. А присоединиться ко мне, или остаться здесь – каждая решит для себя сама. Насколько я знаю, это и называется демократия, – Рахель нервно хмыкнула, Полина как обычно промолчала, – Чао, Агнетта.

Агнетта теперь выразила неудовольствие раздуванием ноздрей и презрительным молчанием. Керк проигнорировал.

Убедившись, что прощальных напутствий не последует, он вполне вежливо кивнул. И не торопясь двинулся в первый слева тоннель, даже не оглянувшись, и не посмотрев ещё раз в остальные четыре разверстых зёва.

Однако когда он отдалился на сотню шагов от зала, в котором осталась-таки вредная старуха, уже явственно различал шлепки двух пар босых подошв за спиной.

Ему не нужно было поворачиваться, чтоб ещё раз на них взглянуть: он и так отлично помнил, как женщины выглядят.

Рахель – плотная статная женщина, в последние годы поднакопившая на том, что когда-то гордо звалось талией, излишнего жирка, ростом только на ладонь меньше, чем он сам, и немного ссутулившаяся, так, что на загровке образовался как бы горбик, – похоже, возникший всё же не слишком давно. Мощные ляжки. Таз, наверное, пятьдесят второго размера. Огненно-рыжие волосы, до сих пор пушистые и

пышные, ниспадающие почти до пояса: женщина всё время отводила их со лба и лица, потому что заколоть или подвязать было просто нечем.

Полина: куда более миниатюрная – еле достающая ему до плеча, сухопарая, со всё ещё тонкой талией, но наметившимся отвисающим животиком, и тоже пышноволосая, брюнетка: крашенная, разумеется, как и все три оказавшихся с ним здесь, жертвы «шоу».

Они шли молча, даже не переговариваясь, и стараясь не отстать от него.

А приятно. Что он хоть кого-то «вразумил».

– Если вы думаете, что убедили меня хоть в чём-то насчёт этого места, вы сильно ошибаетесь, Керк.

– Вот как? Почему же тогда вы – со мной? – он старался идти не быстро. Знал, что и им это будет тяжело, и сам запыхается и вспотеет. А значит, потеряет больше влаги. Да и сердце... Уже не такое выносливое – может опять начать прихватывать. А это ни к чему.

– Лично я просто не хотела оставаться с этой стервой. Такие всегда считают себя – умнее всех. И что все им чем-то обязаны! И если кто-то не согласен с их мнением или жизненной позицией, готовы устроить буквально истерику. Или просто – убить... – надо же. Женщина, похоже, мыслит почти как сам Керк. – Вот чтоб меня не пилили противным визгливым голосом, или просто не придушили во сне, я и иду с вами. – Рахель вновь иронично хмыкнула.

– Полина? А вы?.. – Керк не договорил, но знал, что его поймут. Полина производила впечатление самой спокойной и уравновешенной женщины в их маленьком социуме. И если ситуация, в которой они оказались и шокировала её, внешне она этого никак не проявляла. Керк подумал, что сам он так не...

Ему всегда говорили, что шпионом, или игроком в покер ему не стать: мимика у него настолько выразительная!.. Да и ладно: он был рад, что всё-таки не позволил себе «истерить» и обвинять остальных во всех смертных грехах, как дама, оставшаяся позади.

– Я пошла отчасти потому же, почему и Рахель. – Керк почувствовал, даже не глядя, как женщины там, у него за спиной, переглянулись, – А ещё потому, что, вероятно, вы правы. Это – крысячий лабиринт. И если мы его решим – ну, то есть, пройдем, то получим и пищу и воду. И, быть может, даже свободу.

– Не хочу никого пугать, но свободу мы в любом случае вряд ли получим.

Учитывая, что и сам в свои шестьдесят девять находится не в лучшей форме, и ощущая, что одышка, и иглы, в последнее время всё чаще колющие в сердце, всё-таки взялись за старое, Керк ещё сбавил темп: не быстрее, чем при прогулке в парке. (Не хотелось бы всё-таки «откинуть копыта» до того, как они и правда – что-то здесь «решат» или «пройдут».) И сейчас он невольно оглянулся на говорящую.

Женщины теперь нагнали его и шли рядом: одна слева, другая – справа.

– Это почему, Рахель?

– Потому что: во-первых – мы смогли бы тогда рассказать о том, как нарушались наши гражданские права, – Керк невольно покачал головой, улыбнувшись в усы: точно: молодец. Мыслит трезво, и абсолютно схоже с ним и Полиной: циничная и трезвая рационалистка, так сказать, – А во-вторых, даже если мы не смогли бы рассказать обо всём по причине стирания памяти, мы – «расходуемый материал».

– Почему это? – Полина спросила, поняв, что Керк этого делать не собирается. Всё верно. Он давно догадался обо всём и сам, – Почему мы – расходуемый материал?

– Очень просто. Керк же уже сказал, что нас подобрали и поместили сюда не просто так. Вот если б вы, Полина, вдруг навсегда пропали оттуда – с поверхности земли! – кто побеспокоился бы об этом? И когда? Или хотя бы – заметил?

Наступившую тишину нарушил Керк:

– Всё верно. Мы – старики. Причём – больные, одинокие и угрюмые старики. Давно не поддерживающие – открытки на Рождество и Дни Рождений не в счёт! – связей с детьми, родными и близкими. Самодостаточные и нелюдимые бобыли, которые или сами не слишком любят общаться с бывшими друзьями или родственниками, или хотя бы соседями, чтоб никому не показывать как нам плохо и тоскливо, или...

– Или делают так, чтоб уже те этого не хотели – примерно

таким способом, как это делает горячо любимая Агнетта!

Они посмеялись. Хоть в пустоте серо-белого пространства трехметрового квадратного в плане тоннеля, освещаемого тусклыми матовыми плафонами, торчащими на потолке через каждые десять шагов, это и звучало несколько натянуто и зловеще. Керк сказал:

– Оглянитесь. Я голову даю на отсечение, что входного отверстия уже не видно.

– Ваша правда, Керк. Но... Как вы узнали? Мы же ещё не прошли и километра? И почему вы сами не оглядываетесь?

– Я близорук. У меня сейчас около минус трёх – я всё равно ничего не увидел бы. Ну а как узнал... Тоннель всё время загибается направо. Думаю, это сделано для того, чтоб мы не имели возможности видеть, что происходит, или находится дальше, чем в двухстах-трёхстах шагах.

– А... Почему?

– Могу лишь предположить. Например, если б нам удалось найти здесь что-нибудь, чем можно оставлять метки на стенах, их было бы видно издалека. Хотя бы из других залов-перекрёстков.

И мы могли бы быть уверенными, что, скажем, здесь мы уже проходили.

– Но... Тоннель же – один? И – без ответвлений. Заблудиться-то тут нельзя?!

– Пока – да. Но кто гарантирует, что скоро ответвления не появятся? Или мы не придём, двигаясь по кругу, снова к

нашей очаровательной и приветливой голубке?

Они похихикали ещё. Но уже не с таким энтузиазмом. Керк нашёл нужным пояснить:

– Я сказал, что не верю в инопланетян потому, что не хотел вас пугать заранее. Но если вдруг действительно выяснилось бы, что сюда нас поместили *не* люди, это могло бы повлиять на вашу решимость выжить здесь любой ценой?

– Ну... Возможно. Но – не обязательно!

– А похоже, именно этого от нас и ждут.

Чтоб мы растерялись. Испугались. Отчаялись. Подумали, что нас всё равно ждёт смерть – вероятно инстинктивно, ну, подсознательно, что-то такое и вообразила себе Агнетта.

Но мы должны выжить. Любой ценой. Доказать этим гадам, что нас, людей, просто так не сломить. *Нужно* выжить. А для этого – надо ставить себе конкретные цели. И добиваться их выполнения. Чтоб именно – доказать. Что мы – особенные. И выбраны не зря.

– Но послушайте, Керк... Получается, что вы же первый и противоречите сам себе! То вы говорите, что не верите в зелёных человечков, то...

– Возможно я и противоречил. Однако прошу не забывать – нас могли прослушивать. И просматривать. (Впрочем, похоже, это делается и здесь.) Но зато сейчас с нами нет лишней пары ушей и глаз. И – главное! – того члена команды, который мог бы в решающий, например, момент, начать спорить или ругаться. Или даже просто – убежать!

Вместо того, чтоб быстро и слаженно *действовать*! Что-то решать. Драться или бороться. А я чувю, что нам именно что-то такое и предстоит.

И лучше держаться вместе. И быть *командой*.

– С этим согласна. И хорошо и то, что её с нами нет. – Рахель кивнула головой назад, и в очередной раз поправила слипшиеся от пота волосы, которые, сползая на лоб, закрывали ей поле зрения. Керк нехстати подумал, что даже будучи крашенными, они остаются очень красивыми: не то, что его жиденский «армейский» ёжик, да ещё с солидной проплешиной на макушке, – А почему вы вообще считаете, что нам предстоит...

Бороться?

– Да потому, что рано или поздно это предстоит всем... Лабораторным крысам!

На которых к тому же направлены глазки телекамер и сенсоры звукозаписывающей аппаратуры! – Керк ткнул рукой в чуть заметное чёрное пятнышко в центре потолка. – Ведь именно это – то, как нам трудно и страшно! – главная изюминка в будущем Шоу!..

Помещение, в которое они притазились через полчаса, сильно запыхавшись, и с трудом двигая уже побаливающими от непривычно длительной нагрузки ногами, почти ничем не отличалось от того, которое покинули, и где осталась четвёртая «участница».

Высокие потолки с такими же, как и в коридорах-тоннелях, белыми матовыми плафонами освещения. Белые стены, покрытые чем-то похожим на гладкий пластик, абсолютно не поддающийся ни ногтям, ни зубам: Керк попробовал ещё в первом зале, попросив всех отвернуться, поцарапать стены вынутыми протезами челюстей. Ага – два раза!..

Чёрный пол, покрытый сплошной пружинящей под ногами массой, очень напоминавшей резину покрышек. И, так же как в зале, оставшемся позади, широкие проёмы в дальней стене. Но здесь горловин тоннелей оказалось не пять, а четыре.

Только вот людей тут не было.

Керк вздохнул с облегчением: он не хотел бы, если честно, встретиться с конкурирующей командой: последовали бы неизменные «разборки» и попытки доказать, кто умнее, и кому они все должны подчиняться! Кто приказывал бы, игнорируя, в состоянии они или нет, двигаться: туда или сюда...

Ну и, разумеется, ему не хотелось снова встречаться с Агнеттой, или ей подобными. Потому что он и раньше старался скандалисток и глупых истеричек избегать. По принципу: «не тронь д...мо – оно и не воняет!»

– Смотрите-ка: что это?! – Полина, явно сохранившая зрение в лучшем состоянии, чем у Керка и Рахель, указала рукой на дальнюю стену.

Керк, у которого под старость близорукость хоть и верну-

лась с минус четыре к минус трём, не слишком хорошо видел странную как бы выемку в стене. Поэтому покрутил головой, чтоб глянуть боковым зрением – с обеих глаз. Подошёл поближе. Осмотрел.

Сел на пол рядом, потому что ноги стали ватными. Глаза закрыл ладонями.

Он глубоко дышал, пытаясь не дать плечам трястись, и изо всех сил старался подавить приступ истеричного гогота. А ещё он сдерживал всё равно выступившие от дикой обиды слёзы: на стене, нарушая её монолитность и целостность, виднелось...

Отверстие лотка для выдачи. И рычаг рядом!

Значит, они всё-таки – не телезвёзды, а банальные крысы!..

– Ну что? Попробуем?

– Попробуем! Чего нам терять-то?!

Керк, понимающий, что именно от него, как от мужчины, пусть и никем не избранного, но по сути неформального лидера их «сообщества», как раз и ждут решительных действий, протянул руку, и опустил рычаг книзу.

В никелировано-блестящую ёмкость лотка скатилось три белых шарика, размером с теннисные.

– Ага. Это, стало быть – пища. А где вода?

– Думаю, здесь. – Полина ткнула пальцем, и хоть такое и считалось верхом невоспитанности там, в неизвестно где

оставшемся мире, Керк предпочёл сразу взглянуть.

И точно. В стене имелись три пипки, если можно так сказать про полусферические выступы, напоминавшие самый обычный сосок женской груди. И располагались они, чтоб, вероятно, им совсем уж всё было понятно, на трёх уровнях высоты: напротив рта каждого.

– Попробуем?

– Попробуем!

Через пять минут они вынуждены были констатировать, что больше, как ни старайся, ни капли выдавить или высосать не удаётся.

– Вода. Вроде, минеральная. Похоже, здесь было примерно поллитра. Как раз, чтоб восполнить потерю на пот за примерно три-четыре часа.

– И... что это значит?

– Это значит, что нам, если не хотим действительно просто умереть, придётся двигаться. Дальше.

И решать. Правильно.

Комментариев не последовало: его спутницы явно были вымотаны шоком от «мгновенного переноса», перепалкой и последующей ходьбой настолько, что предпочли просто промолчать, чтоб не подтверждать и без того очевидные вещи.

Перед дальнейшим походом им всё же пришлось посидеть, чтоб отдохнули гудящие ноги. Керк удивился: иголки, коловшие сердце, после отдыха вроде отступили. И ноги

после отдыха двигались... куда легче. Привык? Натренировал? Успокоился?

Или, что более вероятно, им в пищу или воду что-то добавили – для лучшей адаптации.

Но вслух он о своих подозрениях предпочёл пока не говорить.

Зачем зря пугать напарниц? Ведь даже если им подсунули наркотики типа анаболиков, сделать-то всё равно ничего уже нельзя! Пить и есть им так или иначе – придётся!

Дальше они двинулись так же, как Керк выбрал в прошлый раз, пытаясь придерживаться хоть какой-то системы осмотра и обхода: в крайний слева тоннель.

И этот тоже изгибался. И через примерно час они снова оказались в очередном зале с лотком и четырьмя зевами тоннелей в дальней стене.

Но на этот раз шарики в лоток не выпали. И пипок с водой на стенах не имелось.

Они переглянулись. Керк озвучил:

– Думаю, придётся вернуться в предыдущий зал. И попробовать следующий, теперь второй, тоннель.

Чтоб вернуться и действительно попробовать следующий тоннель, пришлось вначале где-то с полчаса снова полежать на полу «неправильного» зала – ноги от долгой ходьбы снова начали дрожать и гудеть. Но ещё через два-три часа они вновь получили по шарикку и порции воды – уже в зале, которым оканчивался второй слева коридор.

– Это что же получается? Нам пытаются показать, что в выборе тоннелей устроителями заложена какая-то система? (На вкус, кстати, на этот раз было похоже на самую обычную прессованную манную кашу.) – Полина, первой съевшая пищу, прилегла прямо в центре зала, и даже не давала себе труда глядеть вокруг, закрыв глаза.

– Да, ваша правда. В прошлый раз было похоже на разваренный рис, – Керк тоже прилёг, однако не стал располагаться так, как они очнулись – четырёхлучевой «звездой», голова к голове, – а просто рядом, на расстоянии шага от женщины, – Разумеется, система тут есть. Во всём. Явно нам пытаются дать понять, что считают нас разумными. И принуждают вычислить и понять логику, которой руководствовались организаторы этого безобразия. Но при этом ближе к концу нашего путешествия задавать будут что-нибудь уж точно посложней, чем догадаться, что в первом зале нужно выбрать первый коридор-тоннель, во втором – второй...

– А в третьем – то есть, этом – стало быть, третий?

– Думаю, да. Поживём – увидим. А сейчас предлагаю просто поспать. Мы явно не в лучшей физической форме. Ноги трясутся. Да и нервов понадобилось... – он невольно передёрнул плечами, вспомнив омерзительную сцену, устроенную им Агнеттой.

Теперь же Керк с удовлетворением убедился, что возражений не последовало, и обе напарницы просто покивали, а Рахель с видимым облегчением тоже прилегла на пол – па-

раллельно им с Полиной, и тоже на расстоянии шага от него, но – с другой стороны мужчины. Он закончил мысль:

– А нам тут явно предстоит ещё... Походить.

– Согласна. Только вот... Сторожить будем?

– Думаю, в этом пока необходимости нет. – Керк старался говорить убедительно, хотя сам этой убеждённости вовсе не чувствовал. – Враги и прочая вредоносно-опасная живность явно припрятаны на потом. Когда мы будем в лучшем состоянии. Пообвыкнемся. Окрепнем. Да и оружия пока нам не дали. Значит...

– Значит, будем просто пытаться выспаться. – Полина говорила раздумчиво. И – словно сама с собой, – Приобрести лучшую физическую форму. Начать мыслить адекватно. Успокоиться. Свыкнуться с обстановкой. И ждать. Когда нам дадут это самое.

Оружие.

Керк, снова порадовавшись, что напарницы ему попались (вернее – «отсеялись») на редкость здравомыслящие, просто буркнул «угу», и закрыл глаза. Может, женщины и переговаривались ещё, но он провалился в какой-то длинный тоннель наподобие того, который они уже преодолели, но очень тёмный, так и не услышав больше ничего...

Первой проснулась Полина.

Керка и Рахель она просто бесцеремонно растолкала:

– Хватит дрыхнуть, господа крысы. Я проголодалась. И

ещё... Керк. Как думаете – где здесь можно справиться... э-э... Естественную нужду?

– Думаю, везде. Но удобней, наверное, будет в том коридоре, по которому мы пришли. Только не отходите далеко – незачем тратить лишние силы. Мы с Рахель... Просто от-вернёмся.

Вернувшаяся через минут пять женщина задумчиво качала головой.

– В чём дело? Что-то не так?

– Да нет. Как раз всё – так. Желающие последовать примеру: увидите всё сами.

Керк и правда, пропустив вперёд Рахель, спустя пару минут увидел всё и сам: едва попавшая на чёрный пол жидкость как-то сразу исчезала, и буквально через минуту от неё не осталось ни следа.

Странно. А ведь накануне он, как бы пристально ни рассматривал резинистую поверхность, ни малейшего следа дырочек или швов не обнаружил!

Да и ладно.

– Ну что? Вы по-прежнему считаете, что всё это подстроили коварные инопланетяне? А не наши «любимые и хорошо финансируемые» военные или телевизионщики? – может, от того, что женщина пыталась сказать это шутливо-ироничным тоном, фраза и прозвучала натянуто и зловеще.

– Да, Полина. – он почувствовал, что невольно мрачнеет, говоря это.

– А... почему вы *теперь* так в этом уверены? – испуга в голосе женщины не заметил бы теперь только слон. Если б он здесь был.

– Ни одна земная технология не создала, насколько я знаю, такого материала – чтоб всасывал неживое, и не трогал живое. Да и швов – если обратили внимание! – нигде, ни в полу, ни в стенах, нет.

И ещё. Я вчера обратил внимание, что наши мышцы... – ему пришлось сглотнуть. – Они как-то уж очень быстро восстановились после приёма пищи. Думаю, в воду или еду нам что-то тониизирующее и стимулирующее, типа анаболиков, всё же добавляют. Однако! Оно действует намного эффективней тех, что создала наша, земная медицина: у меня даже сердце прошло!

– Ваша правда. А у меня – печень. – Рахель погладила правый бок, – Но я не в претензии. Хорошо бы они и мой радикулит подлечили.

– И мою язву. – Полина подвела глаза к потолку, тяжело вздохнув.

– А что? Всё может быть. Может, нам дают как бы возможность... улучшить спортивную форму. Чтоб задания можно было давать посложней и... Позрелищней!

– Чёрт. Когда вы так говорите, у меня начинается нервный тик. – Рахель сердито глянула в ближайший тоннель.

Они постояли, повздыхав и попереглядывавшись. Женщины, конечно, несколько побледнели... Или это он просто

пристальной пригляделся к их лицам в матовом и словно неживом, белёсом свете?..

Рахель снова покачала головой. Полина сплюнула.

Керк ещё раз порадовался: похоже, закатывать истерик, или вытворять бессмысленных и отнимающих силы глупостей никто из их команды не собирается.

А молодцы его женщины.

Он поразился и сам себе: а быстро он стал, пусть пока только для себя, но – называть их «своими»!

Однако стоять и «предаваться» смысла нет. Ну что? На этот раз – в третий?

– Дамы! Мы сразу попробуем третий тоннель, или снова начнём перебирать?

– Нет уж. У меня ноги до сих пор не слишком хорошо «натренировались». Я понимаю, конечно, что так или иначе нам всем придётся их накачать, но... Пока хотела бы всё же таскаться до еды и воды – поменьше.

– Хорошо, Рахель, согласен, – Керк взглянул на Полину, та кивком подтвердила, что и она придерживается такого же мнения, – Идёмте.

Очередной зал с четырьмя следующими тоннелями, пипками и лотком, действительно сразу выдал им по порции и пищи и воды.

На этот раз шарики напоминали кашу из овсянки – Керк не любил этот привкус ещё с детства. Поэтому предаваться

гастрономическим восторгам не стали: «выдоили» воду до конца и отправились дальше – в последний, четвёртый, тоннель. Он, спустя очередной казавшимся бесконечным час, (Керк отсчитывал секунды про себя: знал, что может это делать, ошибаясь не больше чем на пару секунд на каждую минуту) привёл их в зал, где не имелось тоннелей в стене. Зато имелись прямоугольные отверстия с лестницами, ведущими в пол и в потолок.

– Хм. Задача-то... усложняется. Похоже, теперь нам предстоит тренировать другие группы мышц. И сердце.

– Да, Рахель. Но вот что радует...

– Да?

– Нам не дают четыре варианта – теперь, когда наши организаторы убедились, что мы уже не разделимся, варианта всего два.

– И что? С какой стати это должно нас радовать?

– А вам бы хотелось, протопав, при самом неудачном раскладе, *четыре* спуска-подъёма, пищу, и, стало быть, и отдых, получить только в последнем зале?

– Чёрт. Где-то в этой мысли есть сермяжная правда... Разумеется, не хотелось бы. Так куда мы пойдём? Вверх или вниз?

– Я предложил бы – вверх. Потому что, если окажется, что мы логику зелёных человечков не уловили, спускаться на голодный желудок всё-таки легче, чем подниматься! Да ещё двойное расстояние!

– Логично. Потопали.

«Топать» удавалось не больше десяти минут подряд, и то – в поистине черепашьем темпе. А остановки делать приходилось даже большие. Керк сам долго сидел на ступеньках из пластика, слушая глухие и торопливые удары сердца в висках и ушах, и отдуваясь, словно жеребец-тяжеловоз при установлении рекорда грузоперевозки. И недоумевая, почему лестничный колодец, по которому они движутся, так сильно напоминает ему тот, что имелся в его школе: безликий прямоугольный короб с противолежащими пролётами по пятнадцать ступеней, залитый уже сидящим в печёнках матовым светом.

Двигаться и дышать стало совсем трудно. Как сказала Полина, действительно побледневшая, и всё время держащаяся за сердце, «если не придём хоть куда-то через полчаса, дальше вам придётся меня нести».

Нести не пришлось.

Через десять минут они получили по шарикку, (кажется, гречишному) и напились.

– Слушайте, а вы очень удачно придумали. – Рахель плюнулась снова на пол, и привольно раскинулась – ну не дать ни взять – морская звезда! Если б Керк не был уверен, что ничего у него не работает уже лет пятнадцать, он мог бы подумать, что давно забытые инстинкты, мысли и желания снова начинают будоражить его воображение! – Если б мы не получили еду там, внизу, одолеть *двойной* подъём мне лично

вряд ли удалось бы.

– А я думаю, что удалось бы. – Полина тоже, как во время прошлой ночёвки, расположилась по другую сторону «их» мужчины, – Но – утомлёнными до жути! То есть, чёртовы паршивцы получили бы как раз то, что хотели: наши страдания и усталость!

А сейчас, если вы не возражаете, хотелось бы снова полежать, отдохнуть. Ноги уже не дрожат – я просто их не чувствую. Может... Удастся заснуть?

– Согласен. Рахель?

– Да. Плевать нам на условности типа день-ночь-сутки... Лучше ориентироваться по нашему состоянию: в состоянии мы двигаться дальше, или нет!

– Ну вот и отлично. Будем надеяться, что отдохнув и выспавшись, мы уже будем иметь мышцы потренированной...

Проснувшись, они поприветствовали друг друга, словно старые друзья, или одноклассники. Даже не раздумывая двинулись теперь во второй лестничный пролёт, ведущий вниз. Вот и очередной зал с «завтраком».

Шарик, который Керк только теперь надумал рассмотреть попристальней, оказался абсолютно монолитным, ни намёка на зёрнышки или какие другие неоднородности ни снаружи ни внутри не имел, но явственно отдавал чем-то бобовым – фасолью, что ли?

– Похоже на фасоль. – Полина фыркнула, – У меня с неё

всегда... Пучит.

– Да, я тоже думаю, что это – фасоль. Хочется верить только, что мы не испортим местную воздухоочистительную установку.

– Ну, это – вряд ли, – Керк доел последний фрагмент-кусочек шарика, – Похоже, здесь свободно могло бы «приключаться» несколько сотен человек. Или – не человек.

– В смысле – не-человек?

– Я вот что думаю. Если этот лабиринт и правда построили наши зелёные друзья, то – вряд ли только для нас. Возможно, они испытывали, и ещё будут испытывать в нём и представителей других разумных рас космоса.

– Других?

– Да, быть может, совершенно на нас непохожих – скажем, рептилоидов, инсектоидов, осьминогов каких... Но – разумных.

– Это что же: получается, что мы сейчас – на космическом корабле, который путешествует между галактиками в поисках кого бы ещё проверить на «разумность»?

– Это – вряд ли. Похоже, сооружение это куда крупней, чем нам казалось вначале. И расположено где-то – стационарно. Вероятней всего, это *нас* к нему доставили. В состоянии анабиоза. Ну, или чёртовы инопланетяне додумались до нуль-транспортировки. Ну то есть – мгновенного переноса через пространство. Как в фильме «Звёздные врата».

Два недоумённых взгляда и сердитое переглядывание

между его партнёрами сказали ему, что особого багажа фантастики в арсенале «фильмографии» их памяти нет.

Пришлось рассказать содержание фильма.

– Я очень рада, конечно, за передовую внеземную технологию, – Рахель сделала такое лицо, что Керк понял, что на самом деле думает женщина о внеземной технологии, – Но как это может сказаться на нас? Нас... После эксперимента – отпустят? Вернут назад?

– Не знаю. И должен сказать честно: если и вернут, то – «обеспамяченными».

– Да ...рен с ним, я согласна и на это – лишь бы вернули!

Керк долго и внимательно смотрел в глаза напарницы. Та первой опустила взгляд.

Керк сказал:

– Вот именно. Никто нас там особенно не ждёт. И если мы с вами навсегда сгинем, никто там, дома, как мы уже поняли, и не почешется. А нам самим...

Разве здесь так уж плохо? Или... Скучно?

Рахель вдруг рассмеялась:

– Когда вы так говорите, я начинаю осознавать, что, вроде, и правда – то, что с нами случилось – не так уж страшно. В конце-концов, неспроста же нас выбрали! То есть – это *нам* даётся этакий уникальный шанс, показать чёртовым монстрикам, что человеческий интеллект кое-чего стоит, даже когда человек далеко не в... Скажем так: расцвете лет!

– Вы – рационалистка.

– Как и Полина, – короткий взгляд, и обмен невесёлыми улыбками между его женщинами сказали Керку, что если и будут разногласия между ними, то – не сейчас. Женщины «вычислили», да и «нутром чувуют», как это ощущение обывала недоброй памяти Агнетта, что пока им всем, и правда, выгодней сотрудничать! – Вы это знали уже тогда, когда мы потопали с вами внутрь, оставив «принципиальную» идиотку в первом зале.

– Ваша правда. Собственно, я просто избавил нас да и телеаудиторию, – Керк ткнул пальцем в очередную чёрную точку в углу потолка зала, – от той части «шоу», где предполагались «разборки», грызня, и бессмысленные обвинения-оскорбления. Но вы правы, дорогие партнёрши: *здесь* нужно действовать не только командой, но и последовательно и логично и методично. То есть это – пока.

– Почему – «пока»?

– Потому что *пока* нам дают самые обычные задания – по элементарной логике. Но я думаю, что скоро пойдут и посложней. Скажем, на ориентирование. В настоящем лабиринте. Плоскостном, или даже объёмном. Вот там-то нам и понадобится, как никогда, слаженность действий и взаимопомощь.

– Но... Почему?

– Потому что обследовать многочисленные разветвления и тупики придётся, возможно, поодиночке, а между собой – перекрикиваться!

Перекрикиваться им и правда – пришлось. Потому что подъём по очередной лестнице привёл в зал, где кроме лотка с рычагом и пипками с водой имелось и с десятков ниш-коридорчиков. От тоннелей они отличались тем, что были куда *уже* – примерно два метра, при прежней высоте в три – и самые длинные оканчивались вроде как тупиками на расстоянии не более двадцати шагов от входа.

– Готов поспорить на свою импотенцию, что тупиком оканчивается каждое второе такое ответвление.

– Почему – каждое второе?

– Потому что мы – действуем как один человек. Если б нас было, скажем, четверо, или – две независимые команды, тупиков было бы тридцать три процента. Чтоб мы, соответственно, искали выход дольше. Поэтому давайте действовать, как я уже предлагал. Только не нужно сразу забираться далеко в глубину – неизвестно, как здесь с акустикой.

– Ладно. Только вначале всё равно давайте посидим и отдохнём. Ноги... Сейчас полегче, конечно... Но всё равно гудят.

С акустикой в коридорах-ходах всё оказалось в порядке.

Керк стоял напротив первых двух ответвлений, попеременно заглядывая то туда, то сюда, и внимательно вслушиваясь в обычную равнодушно-звенящую тишину. Напарницы уже скрылись за «углами»: одной пришлось повернуть нале-

во, другой – направо.

Первой высказалась Рахель, двигавшаяся в первом, левом, ответвлении:

– Тут всего шесть колен-поворотов. Коротких – уже дошла до конца. Упёрлась в глухую стену.

– Точно – глухую?

– Пинкам и толканию торцевая стена не поддаётся. Так что думаю – точно.

– Хорошо. Возвращайтесь, и пробуйте следующий проход. Я сообщу Полине.

Шагов Керк не слышал, но судя по тому, что голос звучал не слишком приглушённо, Рахель действительно не успела уйти дальше сотни шагов. Он зашёл поглубже в «ответвление Полины»:

– Внимание, Полина! Внимание!

Спустя секунды три донёсся «отзыв»:

– Я слышу вас, Керк. Что случилось?

– Ничего. Рахель доложила результаты обследования своего ответвления: там тупик. Она возвращается и будет обследовать третий проход.

– Поняла. Хорошо... У меня тут проблема.

– Да?

– Проход раздвоился. Иду пока в левое отделение – чтоб вы знали, где меня искать, если отойду уж слишком глубоко.

– Нет, подождите! Так не пойдёт. Стойте, где стоите, и пока не входите. Я передумал посылать Рахель в третий вход.

Мы сейчас вдвоём подойдём к вам: вы останетесь на месте у развилки, а мы с Рахель пойдём в оба ответвления. Вы поняли меня?

– Да, поняла. Логично, конечно. Хорошо. Жду.

Поход в оба ответвления окончился ничем: Керк встретил «неподдающуюся» пинкам и толчкам поперечную перегородку через сто двадцать шагов, Рахель – через двести. Других ответвлений во втором проходе не нашлось.

– Отлично. Возвращаемся.

– Не знаю, чего тут отличного, но вернуться и отдохнуть – с огромным удовольствием! – Рахель запыхалась, и поглядывала на него – Керк мог бы поспорить! – с укоризной. Ну и правильно: он – мужчина. И должен был сразу идти, а не «руководить».

Хотя это именно она предложила сыграть, и он не виноват, что ему первому благодаря «камню-ножницам-бумаге» досталось «руководящая» роль.

И, разумеется, в следующий раз ему уже без всяких игр придётся топтать, а Рахель, а затем и Полине – координировать.

«Следующий раз» наступил через час: Полина сказала, что, как ни странно, ноги уже почти не гудят, и она отдохнула. Рахель проворчала, что это действительно странно – она тоже чувствует себя гораздо лучше, чем в самом начале.

Керк высказал то, что ему давно пришло в голову:

– Думаю, что то, что добавляют в нашу еду и воду – очень сильное. Эффективное. Чтоб мы быстрее адаптировались, нарастили мышцы, – он похлопал себя по явно увеличившейся ляжке, – И вроде как бы даже помолодели. Я лично и правда – ощущаю нервный подъём, и ноги практически уже не болят! И – что главное! – пропала одышка!

– Ну, положим, одышка пропала потому, что мы сейчас не ходим вверх-вниз, – Рахель говорила рассудительно, похоже, и сама об этом думала, – А вот насчёт – помолодеть... Ах, мечты, мечты... – она даже плотоядно причмокнула, и Керк некстати подумал, что случись им и правда – «помолодеть», ему придётся туго! – Впрочем, если нам дают какие-то витамины или энзимы, улучшающие «спортивную форму» и самочувствие, я последняя буду против. Нам, вроде, допинг-проб сдавать не надо. А таскаться здесь...

– Предстоит, похоже, долго! – Полина закончила мысль, которую они все, кажется, давно про себя обсасывали. – Пошли?

– Пошли!

Третий вход окончился тупиком практически сразу – на пятьдесят пятом шаге и третьем повороте, и Керк двинулся в пятый. Однако ему пришлось вернуться, и они все снова влезли в четвёртый: Полина нашла даже два разветвления. К сожалению – тоже тупиковые.

– Хорошо, что здесь нет очень длинных ответвлений. Будь

они хоть на пару сотен шагов подлиннее, и мы бы тут, с этими девятью входами, точно зависли бы на сутки-другие.

– Не думаю, что здесь они действительно хотели сделать так, чтоб мы сильно утомились. Скорее, тут проверяют нашу способность действовать слаженно. – Керк уже в третий раз повторял этот аргумент, который, кстати, ему самому казался уже не слишком убедительным: они сидели и отдыхали перед восьмым, предпоследним, входом.

– Они что – после первых тоннелей-закутков этого не поняли? – Полина вяло указала на пройденные отверстия.

– Думаю, поняли. Но ещё я думаю, что они просто не успели изменить конструкцию остальных отверстий-закутков.

– Так вы считаете, что они каждый раз... Готовятся? Изменяют конструкцию того, что тут настроено?

– Разумеется! И наверняка это происходит достаточно быстро и просто – неземные технологии и всё такое прочее... Может, вы и не обратили внимания, но я обратил. Помните, когда мы покинули Агнетту, и пришли в первый же зал – так там было не пять, а четыре отверстия?

– Ну... Помним.

– А ведь на самом деле там было-таки *пять* отверстий-входов. Просто пятое оказалось перекрыто белой сплошной перегородкой: я видел. Я специально обшарил там всё, и обнаружил тоненькую – буквально волосяную! – щель в стене по периметру этой самой перекрывающей тоннель перегородки.

– Вот это да! И... Почему же вы сразу не сказали?

– Боялся, что если скажу, они, – Керк ткнул пальцем в потолок, – захотят осложнить нам жизнь, и снова сделают вариантов выбора побольше!

– Хм-м... Звучит логично. А... Почему говорите сейчас?

– Потому что мы уже прошли самый первый, примитивный, уровень. И здесь от нас, как мне кажется, уже ждут сотрудничества на базе обсуждения. Ну, чтоб мы вместе вырабатывали решение. Коллегиально.

– Дьявольщина. И *это* звучит логично. Сволочи эти инопланетяне. Похоже, все они – мужчины.

Керк рассмеялся: весело и непринуждённо:

– А вот это – вряд ли. Тогда бы они давно вымерли. Как гласит некая теория эволюции, человек произошёл потому... Как бы это попроще сформулировать... О! Есть поговорка. Под лежащий камень вода не течёт. То есть – если нет внешних стимулов, то есть, факторов, осложняющих жизнь человека, и вынуждающих его как-то реагировать, чтоб попросту не сдохнуть, он и не чешется: ну, как обезьяна, у которой лес с банановыми деревьями под боком. А вот если деревья засохли... Или вырублены – обезьяне придётся топтать по равнине, чтоб добраться до следующей рощи.

– Эта мысль понятна. – Рахель говорила мягко, но Керк видел, что она сердита, – Но при чём тут – женщины?

– А всё очень просто. Когда нет *внешних* факторов, понуждающих самца искать, скажем так – «жизнеулучшающие»

решения, с ним всегда женщина – *внутренний* фактор. Это же вы понуждаете нас приобрести лучший дом, престижное авто, обеспечить учёбу, и всё остальное – для детей. Купить новый телевизор, в конце-концов. Хотя нас вполне устраивал старый – но! «Перед соседями и родными стыдно!»

– Ха. Должна сказать вам, «уважаемый», как говорила недоброй памяти Агнетта, что ваше видение женщин весьма смахивает на антифеминизм. И женофобию.

– Нет, отнюдь. Я не против «самостоятельности» женщин, и их амбиций. Я только «тонко» намекаю, что *эти*, так называемые существа женского пола, но – строящие карьеру, или не желающие вступать в брак, или иметь детей – просто ошибка природы!

– Чего?

– Как?

Теперь к нему были обращены два в меру возмущенных взгляда.

– Пардон, если смутил. Или наступил на любимую мозоль. Никого не хотел оскорбить в лучших чувствах. Просто высказал свою жизненную позицию: на мой взгляд основное и главное предназначение женщины – продолжение рода. И обеспечение потомству сытого и безбедного в остальных смыслах, существования. Престижном, статусном, комфортном – назовите как хотите.

А что женщине для этого надо? Правильно – элитный, (Ну, то есть – обладающий вполне определённым статусом

и материальным достатком!) самец. И при этом он вовсе не обязательно должен быть юным, писанным красавчиком, или культуристом. Чаще – как раз наоборот: весьма старым, плюгавым и занудным. Но – богатым! Звучит цинично, но таково уж моё мнение.

– Могу сказать только одно: вы, оказывается, тот ещё пошляк и женоненавистник!

– Вот уж нет! Я женщин очень люблю и уважаю. Вернее – очень любил. Ну, до того, как э-э... – он опустил взор книзу, на трусы, – А уважаю – до сих пор. Только – не таких, как Агнетта! Или не «бизнесвумен».

А только уравновешенных, домовитых, и... Красивых.

Поскольку он, говоря это с нескрываемым интересом рассматривал их практически обнажённые тела, к которым, как ни странно было ему самому, уже что-то вполне определённое испытывал, обе женщины отреагировали:

Рахель прикрыла рукой как-то налившуюся и принявшую пикантную форму, вероятно, от того, что добавляли им в пищу, грудь, надула губы и потупилась, а Полина густо покраснела:

– Вы ещё и редкостный хам! И циник...

– Нет. Я просто – реалист. И вы это знаете. Потому что и сами такие же. Поэтому я просто констатирую факт: вы обе – *очень* красивы. Даже в пожилом возрасте *это* чувствуется: да простится мне это действительно циничное, но очень верное слово: порода! Могу сказать за себя: я рад, что со мной

именно вы. Считаю это честью для меня. Горжусь. Вы именно – *истинные* женщины в *моём* понимании этого термина! То есть, мы в очередной раз убеждаемся, что нас подобрали не просто так! А через пару дней, думаю, вы и вообще будете: ух! – он показал руками песочные часы.

– Чёрт возьми. Вынуждена констатировать: вы свинья. Вернее – свин. Но и редкостный ловелас. Прямолинейный, как топор, да. Но умеющий дать женщине понять, что она... Желанна. Минуту назад я хотела вас задушить!.. А сейчас – чувствую, понимаю: мы вам и правда нравимся. И от этого здесь, – Полина взялась за грудь, – как-то теплее...

Короче: если мы здесь действительно помолодеем, и ваша чёртова импотенция, которой вы всё тычете нам в нос, исчезнет – вам придётся туго!

На этот раз уже Керк почувствовал, как горячая волна заливает лицо. Но не успел он что-то ответить, как партнёрши переглянулись и засмеялись. Однако плотоядного выражения с их лиц это вовсе не убрало! Керк пробормотал:

– Я от обязанностей по выполнению желаний женщин никогда не отлынивал. Дома остались трое сыновей и дочь. И все – материально очень даже... Но я просто не представляю, как смог бы обеспечить вас всем необходимым – здесь.

– Никак нас обеспечивать не надо. Просто выведите нас отсюда!

Керк мысленно выдохнул: наконец-то они вернулись на твёрдую почву реальности! Да и импотенция... Пока при

нём. А жаль. Вот уж с чем бы он расстался без сожаления! Да и с морщинами на лице и шее. Да и с сутулостью.

Но – только не с трезвым рассудком!

Он вовсе не хотел снова оказаться «в мозгах» себя тридцати-сорокалетнего, когда обладал наилучшей «спортивной формой»...

Он поднялся на ноги:

– Вывести вас, я, конечно, постараюсь. Но вот чует моя задница. – женщины словно сговорившись, посмотрели на названный предмет, и от этого в душе Керка снова что-то засвербело: такое, что и названия не имеет! – до этого ещё далеко. Да и задачи скоро – точно будут посложней.

– Ничего. Пока мы держимся единой командой, это не так уж страшно.

– Согласен. Ну что? В предпоследний?

– В предпоследний. Если честно, уже очень хочется кушать. Так, что я готова даже проигнорировать природную лень.

– Bravo, Рахель! И, если уж совсем честно, я тоже должен признаться: лень – моя подлинная сущность! (Да, собственно, никогда я не верил в учение небезызвестного Карла Маркса. Не труд сделал из обезьяны человека. А как раз наоборот: желание тратить на добывание пищи и удовлетворение своих прихотей как можно меньше усилий!)

– Это как? – они уже вошли в отрезок тоннеля, и теперь голоса звучали чуть глуше.

– Как, как... А вы считаете, что пульт от телевизора, и микроволновку с соответствующими полуфабрикатами изобрели просто так?.. Не-ет, это – порождение именно стремления к тому, чтоб работать – поменьше, а отдыхать, развалясь на диване с банкой пива – побольше. – они подошли к первой развилке коридора, и Полина вздохнула:

– Согласна. Ладно, попробуем-ка добраться и до положенных нам «полуфабрикатов». На этот раз – моя очередь «координировать».

Координация удалась: им пришлось, для разнообразия, исследовать все четыре ответвления, зато четвёртое привело их в очередной зал с пищей и водой.

Выпив всё, что удалось «выдоить», и съев шарик с, кажется, пшеничной крупой, снова приняли «комфортную» позу. Так, лежа, и обсуждали очередные два лестничных пролёта. Керк считал, что, как и в прошлый раз, начать нужно с ведущего вверх.

Однако оказалось, что дело обстоит не просто так. Лестница привела их не в зал, а в очередной коридорчик, разветвляющийся и петляющий. Пройдя три из его четырёх ответвлений, они обнаружили не зал, как надеялись, а очередную лестницу.

– Ага, вот теперь в чём дело.

– В чём же, Керк?

– Это – объёмный лабиринт. Многоуровневый. Нам при-

дётся сложней. Но обыскивать так и так придётся каждый уровень – досконально. Зал с пищей может оказаться в любом месте.

– Проклятье. А я только приспособилась таскаться по одному уровню. Так нет: теперь приходится ещё и спускаться-подниматься внутри одного, так сказать, задания!

– Полина, не ворчите. Эти обрубки-коридоры куда короче тоннелей. И на обследование целого уровня у нас уходит куда меньше часа, как было там.

– Да я не ворчу. Просто я удивлена.

– Чем же?

– Да как раз тем, что по идее мне полагалось бы быть уставшей и раздражённой однообразием и замкнутым пространством, и к тому же сердитой на вас, пошлого циника, и мужчиноцентриста, считающего женщин полезным домашним устройством вроде стиральной, посудомоечной, и детовоспитательной машины, а я...

Ничего такого не ощущаю!

– Ваша правда. Я и сам... Это странно, да – но не чувствую себя уставшим. Рахель?

– Да, я тоже стала себя чувствовать получше.словно вернулись те, давно забытые и с сожалением оплаканные, годы далёкой молодости. Всё верно. Мне сейчас куда легче, чем вначале. И морщины, – женщина с усилием потёрла щёки, – словно разглаживаются!

– Похоже, мы адаптировались. Или нам подбавили про-

цент кислорода в воздух.

– Тьфу ты. Когда вы так говорите, у меня портится настроение. Давайте всё же считать, что это *мы*, сами натренировали мышцы, помолодели, и адаптировались!

– Хорошо, Рахель. Давайте так и считать.

На обследование предоставленных им восьми уровней объёмного лабиринта ушло не больше пяти часов. Что, как отметил Керк, как раз соответствовало их новому уровню выносливости – ноги только-только начали зудеть.

Пили и ели неторопливо – заранее договорились, что здесь и «заноچуют». Керк понимал, конечно, что их «ночёвки» и «сутки» – дело сугубо условное. Но не хотелось бы совсем уж сбиться в подсчёте времени – хотя бы приблизительно. Поэтому они решили отсчитывать время как раз по «ночёвкам».

Керк облизал пальцы. Полина повздыхала, поглядывая на лоток и пипки. Рахель проворчала:

– Блин. Ваша правда, Полина: шарики могли бы быть и покрупней. Если так пойдёт дальше, плакали мои «жировые запасы». – с иронией она захватила пальцами обеих рук уже серьёзно «пожидевшие» складки на животе.

Керк, оценивший шутку, хмыкнул:

– Это – не жировые запасы. Это, как и у меня, дрябловатая кожа на месте когда-то аккуратного «пивного» животика. И если это дело рассосётся, я буду только «за».

Встряла Полина:

– Никто не обратил внимания? Мне почему-то кажется, что я и правда – как-то... Гораздо лучше себя чувствую не только в плане... э-э... выносливости. Вот, скажем, зрение... Оно нормализовалось. Вдаль вижу отлично – как лет пять назад! И даже волосы как будто стали пышнее. – она явно когда-то отработанным жестом провела ладонью по уже слегка масляным рыжим – разумеется, крашенным, но всё равно выглядевшим роскошно! – длинным, до пояса, волосам. Да, констатировал про себя Керк – ничего не скажешь: пусть невольно, на уровне инстинкта, но – такой жест привлекает внимание его – существа противоположного пола.

Ох уж этот дядюшка Фрейд!..

– Я обратил внимание. – он не счёл нужным скрывать свои ощущения, – У меня ночью случилась... Хм. Некоторые части моего организма, которые я считал окончательно утратившими... э-э... подвижность, вдруг воспряли! Ну, словом, как ни дико это звучит, но климакс, похоже, отработал вспять, и я (тьфу-тьфу!) кажется, снова «в форме»!

– Что вы хотите сказать, Керк? – Полина смотрела с откровенным интересом.

– Я хочу сказать, что наши шутки насчёт того, что нам станут доступны и плотские развлечения, скоро станут вовсе не шутками. И что чего бы там не намешали в пищу или воду наши дорогие организаторы, мы...

Скоро сможем заниматься тем, что повышает и настрое-

ние и иммунитет!

– Ха! Оригинально вы обозначили самый обычный секс, но... Спорить не буду. Потому что с очевидными фактами не поспоришь. У меня, как я заметила, даже сильнее чем у Полины, – жест, – снова подтянулась кверху и налилась грудь. И отвердели соски. И всё остальное. Иногда тянет. Как перед «этими делами». А у меня месячных не было уже... лет восемь. – Рахель глазами указала вниз, на трусики, – Неприлично такое говорить, но раз уж мы решили во всех делах действовать сообща...

Словом, похоже нам от экспериментов по «брачным обрядам» и «продолжению рода» не отвертеться. – она весьма недвусмысленно посмотрела на трусы Керка, и вдруг хихикнула.

Полина же просто покачала головой:

– Пока это было на уровне разговоров и приколов, я как-то... Не придавала значения. Думала, мы просто пытаемся поднять друг другу настроение и самооценку. Но...

Если они и правда – подарят нам молодость *настолько*, я буду очень благодарна. И если демонстративный киногоничный секс с «предоставленным самцом» рассматривать как выражение этой самой моей благодарности, не вижу причин отказываться!

Керк выпучил глаза:

– Шутите?..

– И не думаю! И вы – не вздумайте отказываться! Или от

нас по этим переходам бегать! Это бесполезно. Да и силы только зря растратите. Потому что – чего хочет женщина – хочет Бог!

Керк, невесело улыбаясь, и почёсывая многострадальный затылок, подумал, что похоже, им подмешали не только «омолаживающего». Но и «либидовозбуждающего»!

Однако счёл нужным пояснить:

– Бегать не буду. Предпочту просто «отдаться на милость победителей»! Вернее – победительниц. И – можете поверить: милых и желанных. – он нисколько не покривил душой, прекрасно понимая, что уж девушек-то ему точно: подбирали не просто так. И даже сейчас, ещё «полу-помолодевшими», они будоражили воображение и всё остальное как-то оформившимися, приятными глазу, и, похоже, и на ощупь (остается лишь попробовать!) формами. Нетрудно представить, что ещё пара «кормёжек», и подправленный сексапильный вид его напарниц возбудит и мёртвого!

– В таком случае, заявляю: если действительно всё изменится так, как надо – я – первая! – Полина хитро подмигнула.

Керк подумал, что помимо красоты, дамы у него реально – ещё и умные. Да он и сам понимал: если возможность даётся – нужно быть окончательным болваном, или, как недоброй памяти Агнетта, зловредным старикашкой, чтоб не воспользоваться!

ПОТОМУ ЧТО КТО И КОГДА БЫ ИМ ТАМ, В «ЗЕМНОЙ», ЖИЗНИ, ТАКОЕ ПОДАРИЛ?!

– Хорошо. Пусть ты – первая. Я согласна быть второй в этом плане. (Тем более, я и в форму-то приду, наверное, позже тебя.) Зато я – как бухгалтер, буду высчитывать, кому – сколько, когда и как.

– Ладно, Рахель. Согласна быть младшей женой в гареме! – взгляд Полины, обращённый к нему, снова блеснул такой первобытной страстью, что Керк невольно опять поёжился.

Но взял себя в руки:

– Не возражаю насчёт порядка, который вы определили и определите. Но!

Чур, сколько, когда, и как – выбираю всё-таки я!

После очередной ночёвки, перед которой разговаривали, привольно развалясь на ставшей почти удобной мягкости пола уже гораздо непринуждённой и спокойней, поскольку наконец появился некий «остаток сил», Керк, проснувшийся на спине, обнаружил на своих ногах две закинутые конечности. Одну от Полины. Другую, лежавшую повыше и точно накрывавшую пах – от Рахель. И вынужден был констатировать, что всё у него для «экспериментов по продолжению рода» готово!

Однако он терпеливо дождался, пока мирно посапывающие, и, судя по всему, пригревшиеся, прижавшись тёплыми и мягкими (Точно – готовы!) грудями к его бокам женщины, не проснутся сами. К этому времени, к счастью, compro-

метирующие его элементы организма опали и успокоились. (Слава Богу: а то он всерьёз опасался, что дамы могут захотеть проверить их «в действии» прямо «на месте»! У них-то для этого всё было готово ещё вчера! Он уже старался избегать особенно пристально разглядывать подтянувшиеся и налившиеся формы – потому что «естество» начинало «правильно» реагировать...)

Полина, сделав вид, что просыпаться в такой позе – самое обычное дело, села и грациозно потянулась. Напоминала она при этом породистую кошечку, чуть выпустившую коготки, и слегка царапающую ими любимый хозяйский ковёр, и понимающую, что шкодит, но... Проверяющей реакцию хозяйина.

Рахель, сев, просто огладила себя ладонями:

– Разрази меня гром! Ваша правда: омоложение – на лицо! Кожа: блин, да никакие кремы и подтяжки такого никогда!.. Полина! Как там моё?..

– Отлично. Гладкое, милое. А моё? – обе пристально вглядывались в лица друг друга, улыбаясь, и делая милые гримасы. Вот паршивки! Они просто обворожительны!

– Младшая жена – вы – супер! Нет, реально – отлично! Мы – красавицы! Ну что? Как там, внизу? – недвусмысленный кивок уже в сторону трусов Керка.

Он удержался, чтоб стыдливо не потупить. Взгляд выдержал, и даже широко улыбнулся. Но предпочёл не форсировать. Двойная порция «оздоровления» наверняка отнимет

много сил, а они ещё не завтракали:

– Пока – не очень. Но уж не сомневайтесь: вы узнаете первыми! Ну что? Пойдём?

– Пойдём, конечно. Нужно принять очередную порцию омолаживающего. И восстанавливающего потенцию.

Керк хмыкнул: надо же...

А он-то считал себя – сексуально озабоченным! Не-ет, им точно что-то добавляют!

Или, что более вероятно, его дамы «напускают» на себя. Чтоб ему, да и им самим, было повеселей. Добавить, так сказать, мягкого неназойливого юмора и бодрости...

В ситуацию, в которой, если задуматься, юмором и не пахнет.

По лестнице долго подниматься не пришлось: вскоре они попали в зал, где тоннелей не имелось вовсе. Зато в центре имелась весьма странная конструкция: словно бы карусель. Детская.

Толстая штанга ему по пояс, уходящая основанием в пол. С тремя двухметровыми рычагами, ещё и с сиденьями на их концах.

– Что это?

Он подумал было пошутить, брякнув, что это – эмблема концерна «Мерседес-Бенц», на правах рекламы. Но подумал, что шутка будет выглядеть не слишком удачной. Сказал:

– Не знаю, Рахель. Но похоже, от нас начинают требовать более сложных действий, чем шлёпанье босыми подошвами по резине.

– Ага. Логично. Однако вначале всё равно предлагаю по-есть.

Вкус шариков напоминал на этот раз кукурузу.

– Неплохо. Но мне лично маис никогда особенно... Даже в виде традиционного попкорна.

– Это, наверное, потому, что вы в юности слишком увлекались просмотром фильмов на местах для поцелуев.

– Хам. – Полина хмыкнула, – Ну, было дело... О-о! Вот! Я вспомнила, почему попкорн теперь не люблю! Мой очередной идиот-ухажёр решил показать мне, как сахар на попкорне вспыхивает в огне его зажигалки. И спалил мне подол платья! Аж до пояса. Пришлось – благо, была ночь! – срочно бежать домой, завернувшись в его рубаху. А платье было дороженное... И любимое... Я и сама расстроилась, да и от ма мне тогда влетело от души... Короче: с любимым мы расстались, и попкорн я с тех пор не ем.

– Надо же... – Рахель покачала головой, – Нет, у меня в плане попкорна и просмотра фильмов на местах для поцелуев всё было в порядке. Зато однажды мой не то третий, не то – четвёртый попробовал «уговорить» меня в парке. Как оказалось, прямо возле муравейника. Ох и покусали нас тогда! Вернее, меня: я кричу, (Вернее – мычу! Рот-то закрыт поцелуем!) значит, извиваюсь, а этот козёл думал, что это –

от страсти!..

Короче: я с этим чурбаном тоже рассталась.

Керк посмеялся вместе с дамами. Но о своих «прикольных» случаях предпочёл пока не вспоминать:

– Спасибо. За то, что подняли нам настроение. Нет, правда: в таком состоянии духа и думается лучше! А нам явно нужно подумать.

– Да чего ж тут думать-то? Просто сядем – нас как раз трое! – на все сиденья, ну и посмотрим, что случится!

– Храбро. Глупо, но храбро. Хотя... Согласен, Рахель. Потому что других вариантов пока и сам придумать не могу.

– Возможно, мудрить тут пока и не надо. Это – задача из примитивных. Только...

– Да, Полина?

– Давайте на всякий случай сделаем всё – вместе. Одновременно. Потому что не хотелось бы, чтоб нас как-то... Разделили.

– Хм... Предложение не лишено смысла. Хотя... Не вижу пока способа, каким нас могли бы попытаться разъединить.

– Сама не вижу. Но вот чует моя задница, – Полина шлёпнула себя по одному из уже весьма аппетитно выглядящих полушарий так, что эхо звонко отдалось в ушах, – что такая возможность для нас сейчас – самая нежелательная.

– Это – мягко говоря! Мне и самому не хотелось бы такого. Мы... Привыкли.

– Точно. «Мы – одна семья!» Или как там говорил герой

какого-то мультика?

– Не помню какого, и не помню как. Но Полина права. Давайте по счёту «три!».

Они встали каждый напротив сиденья, представлявшего собой простую площадку из белого пластика, размером с квадратный фут. Керк попробовал осторожно, а затем – и чуть сильнее, надавить на своё обеими руками. Ничего не случилось. Ну и ладно.

– Готовы?

– Да.

– Готовы.

– Тогда развернёмся к сиденью... э-э... вот именно этим местом. Ну, начали: раз, два, три!

Когда ноги всех троих оторвались от пола, произошло сразу две вещи: поперечные рычаги, на которых были закреплены сиденья, подались, со щелчком опустившись чуть ниже, а в стене напротив открылся проход, до этого перекрытый перегородкой, ушедшей сейчас кверху.

Керк так удивился, что вскочил с сиденья.

Но проход не исчез, как он запоздало успел подумать: перегородка осталась поднята на высоту всё тех же трёх метров. Керк подошёл и внимательно осмотрел коридор за ней. Поморгал, пощурился. Позвал:

– Полина! Вы, вроде, хвастались, что теперь всё отлично видите. А у меня, похоже, всё ещё минус один.

Полина встала, подошла.

– Обычный коридор. Только загибается вбок и вверх – и в этом всё отличие от предыдущих.

– Дайте и мне посмотреть... – но едва Рахель встала со своего сиденья, проход закрылся: вернее, скорей – захлопнулся! Перегородка, толщиной, как прикинул Керк, с дюйм, так ударила в пол, что дрожь через пол передалась ногам!

С полминуты все молчали – возможно, от неожиданности, но лично Керк – от испуга. Он радовался, что ни он, ни Полина ещё не успели пройти дальше вперёд – за перегородку. И невольно представил, что было бы, хлопни перегородка по ничему не подозревавшему человеку!..

По кому-то из них.

– Чёрт. Ненавижу мышеловки. Похоже, нас хотят-таки разделить.

– О чём вы, Рахель?

– Я говорю – Полина наверное права. И что мы – в тупике. Ну, фигурально выражаясь. Чтоб не умереть с голода, нам нужно пройти туда, дальше. А пока не нажат хотя бы один рычаг, это невозможно. А тот, кто его будет нажимать – просто не успеет! Или, что хуже – успеет частично.

Вы понимаете, что я хочу сказать?

– Понимаем. – Керк сглотнул ставшую почему-то вязкой, и с медным привкусом, слюну, – Его просто разрежет пополам!

– Н-да, смерть хоть и почти мгновенная, но вряд ли приятная...

– Да, уж, Рахель. Озадачили они нас.

– И всё-таки, думаю, задача имеет решение. Иначе нам её не подсунули бы.

– Согласен. Ну что, подумаем? Полина?

– Мне кажется, нужно сесть на ближайшее к проходу сиденье, или, вернее, встать на него ногами, и попробовать допрыгнуть... Вы – как самый сильный – могли бы?

– Хм-м... Здесь больше трёх метров. С места – вряд ли. А уж вам, дамам – и подавно!.. Нет, этот план мы пока отметём, как малореальный. И слишком рискованный.

– Тогда, может быть, с разбега?

– В смысле?

– Ну, разбежаться вон оттуда, из глубины, прыгнуть на сиденье, и, оттолкнувшись от него – влететь в коридор!

– Мысль интересная. Так. Хорошо. Оставим этот вариант на крайний случай. А ещё предложения? Рахель?

– Насчёт прыгать – нет. Прыгать-то точно – придётся вам. Я несколько грузновата для этого, – вес женщины, похлопавшей себя по нехудым бокам, как прикидывал Керк, и правда, несмотря на «обеднённую калориями» диету, наверняка ещё превышал семьдесят килограмм. – Поэтому предлагаю попробовать другое.

Вот, смотрите: меня всё не покидает подозрение, что это-таки – карусель. Давайте же попробуем сесть и раскрутить её! Отталкиваться будем – ногами от пола! Вдруг это что-то даст?

– А что – неплохая идея. Попробовать-то можно. Осталось лишь убедиться, что эта штука может вращаться!

«Штука» вращаться смогла.

И более того: даже когда они, раскрутив её до приличной скорости, поспрыгивали на пол, массивная конструкция вращалась ещё секунд десять, пока скорость вращения не упала, и не раздалось три щелчка – сработали «запоры» сидений! – и удар: это перегородка снова грохнулась о порог тоннеля, так, что опять заходил под ногами эластичный пол!

– Ага. Цели намечены, задачи ясны. Приступаем.

На этот раз Керк встал на сиденье на одно колено: так отталкиваться было куда удобней, чем сидя, и спрыгивать тоже. Да и скорость они смогли набрать побольше!

Они снова раскрутили «карусель» что было сил, и посваживались, и поспрыгивали, отброшенные центробежной силой, наземь. Керк заорал:

– Быстрее! Уходим!

Однако только через целых двадцать четыре секунды после того, как он сам, последним, вбежал в тоннель, дверь-ловушка захлопнулась...

– Какого же ... эта дрянь загибается ещё и кверху? Мы что – идём по спирали?

– Думаю, об этом ещё рано говорить. Мы прошли не больше километра.

– Ну и что? Этот чёртов пандус уже сидит у меня в печён-

ках: так и ждёшь, что из-за поворота кто-то выскочит. Когтистый и зубастый!

– Знаете, Рахель, если б такое сказала Полина, я бы насто-рожился. Потому что насчёт попыток нашего разделения она почуяла ещё до того, как мы увидели, как действует дверь-перегородка. Полина?

– Нет. Когтисто-зубастого я никого не чую. Но насчёт предвидения... Мне просто показалось это логичным. И никакого «предчувствия» я не испытывала.

– Жаль. Если б у нас был кто-то, способный чують пред-стоящие ловушки и препятствия, нам было бы полегче.

– Сама знаю, – женщина нервно дёрнула плечом, – Но насчёт вот этого – внутреннего голоса! – нет у меня ничего та-кого. Иначе я не вышла бы замуж за своего первого.

Да и за второго.

– Понимаю. Сам обжёгся только на первой. Другая, вроде, попалась, если мне позволят так выразиться, очень... Хоро-шая и домовитая. Жаль, умерла восемь лет назад.

– Это была ваша вторая... официальная?

– Да. Она была старше меня на пять лет. И куда мудрее... Недаром же говорят: всё в браке зависит от женщины. И если она... – он невольно помрачнел и вздохнул про себя.

– Словом, мне было хорошо с ней. И я в меру сил старался и ей отплатить тем же. Мы... Понимали друг друга. – он знал, что это звучит и банально, и стандартно-штамповано, но не мог подобрать более подходящих слов, – Все дети пристро-

ены, все самостоятельны, и я уже почти спокойно обо всём вспоминаю. Вместо безысходности и тоски осталась лишь лёгкая горечь утраты. А ведь мы могли бы на старости лет... Поездить по миру. Расслабиться, отдохнуть. Мне казалось, я честно заработал для нас такую возможность...

Но – не вышло. Рак матки.

– Керк. Мне очень жаль. – Полина мягко дотронулась до его плеча.

– Да, Керк. Мои соболезнования тоже.

– Спасибо. – он почувствовал, как на скулах невольно заходили желваки, но заставил себя разжать кулаки, и расслабить челюсть. – Вначале, конечно, было очень плохо. Но сейчас я уже достаточно свикся с участью вредного и замкнутого вдовца. И даже иногда нагло пользуюсь, чтобы... Ну, в своих интересах.

А как с мужьями – не сочтите за бестактность! – обстояло у вас?

– Нет. Мои гады-бывшие живы ещё все! И иногда я ловлю себя на мысли, что – жаль. Я бы от души позлопыхала, если б удалось кого-то из них пережить.

– Ох, какая вы... Злопамятная.

– Ну, что есть, то есть. А вы, Полина?

– Нет. Я не злопамятна *настолько*. А мой первый погиб. В автокатастрофе.

– Мои соболезнования, Полина.

– И мои.

– Спасибо. Но... Я и сама-то тогда не расстроилась, если честно. Вместе мы были всего полгода, да и потом, когда расстались уже окончательно, этот идиот не бросил своё хобби. Вернее – своё «второе я», как он его называл. Байк, то есть. (Мы, собственно, из-за этого и расстались. Иногда вместо того, чтоб купить хоть какую-нибудь еду – мы по молодости перебивались почти впроголодь! – этот козёл покупал очередную хромированную бляшку на своё вонючее чудище.)

Поэтому когда мне сказали, что он разбился, я даже на похороны не поехала. Тем более, что ему тогда было пятьдесят три, и мне только через две недели после его смерти сообщили что он умер. В больнице. Так и не придя в сознание. А ещё вернее – мне не сообщили. Сама прочла в и-нет-газете в каких-то новостях – с трудом, и только уже через минут пять, вспомнила, какое отношение ко мне имеет эта фамилия.

– Всё равно – жаль. Как ни крути, кусок жизни. Воспоминания. Мозг устроен так, что со временем плохое как-то тускнеет, забывается, а хорошее... Если оно было...

– Вот именно, Керк, «если оно было!..» Ну а если не было – особо вспоминать не хочется. – Рахель закусила пухлые губы, и Керк, видящий теперь куда лучше, заметил это, но никак не проявил внешне, – С другой стороны, я моим бывшим благодарна. Как там говаривал Ницше: «То, что не убивает нас, делает нас сильнее!».

– Вообще-то это сказал, кажется, кто-то из древних спар-

танцев, ну да Бог с ними... Предлагаю на время отвлечься от неприятных и ностальгических воспоминаний, потому что я что-то вижу.

– Ваша правда, Керк. Похоже – следующее «задание».

– Похоже. – Полина покачала головой, – Нам предлагают сыграть в футбол, что ли?

– Это – вряд ли. Скорее, с этим мячом придётся сделать нечто посложней, чем пинать ногами. – Керк с подозрением рассматривал странный не то шар, не то – мяч, размером примерно с баскетбольный, лежавший прямо на полу в центре очередной комнаты.

Они остановились перед странной штуковиной и с полминуты сосредоточенно буравили её глазами. Матово-чёрная штуковина сердитые взгляды проигнорировала.

Рахель первой подошла к шару. Попробовала действительно толкнуть ногой. Хорошо, что она не слишком усердствовала – иначе могла бы отбить себе пальцы: мяч не сдвинулся ни на миллиметр.

– Чёрт, твёрдый какой... Хорошо, что я его – пяткой: пальцы, как знала, поберегла!

– Дайте-ка я попробую. – Керк основательно сел у шара, упёрся в пол пятой точкой и пятками, и попробовал обеими руками потянуть сфероид на себя, – Нет, ни на волос не сдвигается!

– Может, тогда нам переключиться на рычаги управления?

– Какие рычаги, Полина?

– Вот эти. – Полина рукой указала на три рукоятки, торчащие из трёх остальных стен: двух соседствующих, и противоположащей, через отверстие в которой они и вошли.

Рычаги действительно, имелись. Керк молча отругал себя – ведь заметил же краем глаза! Но как-то не придал значения, подсознательно, похоже, посчитав за обычные «кормовые», и упустив даже из вида, что при рычагах нет лотков, и их – целых три.

– Хорошо. Попробуем. Только... А, вот! – Керк указал на чёрное отверстие подходящего, вроде, диаметра, имеющееся на высоте тех же трёх метров в дальней стенке. – Похоже, как раз – под него.

– Э-э, нет! Подождите-ка. Если это – отверстие для шара, я сама хочу вначале посмотреть – что там, «за гранью»! Вы уже достаточно натренированы и крепки: сможете меня посадить.

– Смочь-то я смогу, Полина, – Керк заставил себя руку от многострадального затылка убрать. – Но... Вы и правда этого хотите?

– А почему вы спрашиваете с таким скепсисом?

– Потому что *это* явно нашим заданием не предусмотрено. И если не хотим получить по носу очередной захлопнувшейся перегородкой, или просто – заряд жгучего перца в глаза, или ещё чего похуже, лучше не пробовать посмотреть!

– Блинн... Умеете же вы девушку приободрить!

– Нет, не приободрить. А предостеречь. Не хотелось бы вас лишиться – ну, помните же: основная цель этих гадов сейчас – постараться разделить нас!

– Чёрт. Ладно: ваша взяла. Я обещаю, что голову туда совать не буду. Руку тоже. Просто посмотрю. Так вас устроит? Поможете?

– Ладно. – Керк, поколебавшись, кивнул, – Только – издали!

Они с Рахель стали у стены лицом к лицу, сложив руки в захват. Полина, вес которой по прикидкам Керка, не превышал пятидесяти килограмм, держась за их плечи и затем – за стену, забралась на замок. А затем перебралась и на плечи Керка, для устойчивости опёршегося руками тоже о стену.

– Ну, что там? Путь к светлому будущему?

– Да, в определённом смысле. Тут огромная змея. Зубы – как у тигра! И сейчас она проснулась, очень сердито шипит, и начинает ползти прямо на меня!

– Спрыгивайте скорее! – Керк, чувствуя, как дрожит голос, сам однако не сдвинулся ни на миллиметр, чтоб ненароком не уронить женщину.

– Ага. Два раза. Шутка.

– Тьфу ты! – вернувшаяся от входного тоннеля Рахель, даже подпрыгнула, сердито шлёпнув напарницу ладонью по одному из полушарий, – Полина! Ты – свинья! Нельзя так шутить: я с детства до колик боюсь всего шипячего и ползучего!

– Ладно, признаю: это было слишком. Пардон. Зато теперь вам стало повеселей.

– Х-ха. Вот уж – что да, то – да. Веселей прямо некуда... А что на самом деле видно?

– Да ничего. Черно, как в заднице у сотни афроамериканцев.

– Не перефразируйте любимую метафору старинного детективщика Росса Макдоналда: «как у сотни негров!». Потому что в те далёкие счастливые времена ещё не было этой теперешней чёртовой политкорректности. И можно было выражаться... Смачно!

– Да уж. – Полина опустила лицо к нему, – Ладно, слезаю! Керку вид снизу понравился. Но он приказал естеству сыграть отбой – не до этого!

Рычаги двигать решили по очереди.

Когда Керк потянул за свой, оказалось, что он двигается в плоскости, условно говоря, влево-вправо. Как ни странно, точно так же – от стены до стены – двигаться начал и шар. Когда Керк быстрее двигал рычагом, почти не оказывавшим сопротивления, так же быстро начинал перемещаться и шар.

– Осторожно! Так можно и ногу сломать! – Рахель, стоящая у своего рычага, отодвинулась ближе к стене.

– Интересно: а что будет, если я со всего размаху тресну шаром о стену?!

– Хм-м.. А вы попробуйте.

Керк попробовал.

Но это ни к чему не привело: при соприкосновении шара со стеной даже удара не получилось. Оставив рычаг в нажатом положении, он подошёл к шару. И обнаружил тонкую – буквально волосяную! – щель между ним и поверхностью стены.

– Дьявольщина. Они, похоже, предусмотрели такую ситуацию. Шар до стены не доходит: думаю, его не пускает какое-то поле. Остаётся щель в полмиллиметра.

– Ну и ... с ним! Давайте теперь я свой попробую!

Рычаг Рахель сдвигал шар вперёд-назад.

– Ух ты, здорово. А давайте теперь попробуем, чтоб он вылетел в коридор, по которому мы пришли!

Керк подвинул шар своим рычагом, чтоб он пришёлся напротив проёма. Рахель постаралась полным нажатием «запустить» его со всего маху в тоннель.

И из этого ничего не вышло.

Шар застыл на пороге, не вдвинувшись в тоннель ни на миллиметр.

– Сволочи. Всё-то у них – как положено. И все наши финты-пробы предусмотрены...

– Не сердитесь на них, Рахель. Откуда вы знаете: сломай мы одну из стен, и оттуда, скажем, пойдут ядовитые газы! Или – поползут пауки да скорпионы... Змеи.

Ну, к примеру.

– Перестаньте. У меня аж мурашки по коже! Боюсь я их – я уже говорила!

– Ладно. Тогда давайте-ка, милые девушки, возьмёмся за наши рычаги, и приблизим себя к нашей очередной порции омолаживающего зелья.

Однако затолкать шар в отверстие удалось не так легко, как они себе представляли: сильно мешало то, что зрение у Керка ещё не совсем восстановилось, и ему приходилось полагаться на команды Рахель, и Полины, своим рычагом поднявшей шар в воздух.

Но через буквально пару-тройку минут они справились.

Шар вкатился в свою нишу и... Всё.

– Ну а где?.. Еда и вода?

– А вон они: вон в той нише.

Действительно: Керк, повернувшись, обнаружил открывшуюся в стене рядом со входным тоннелем камеру размером с лифт. В стене «лифта» действительно наблюдались три привычные пипки и лоток с рычагом. И перегородка, перекрывавшая вход, чертовски напоминала давешнюю, из «мышловки».

– Не нравится мне это. – Рахель, подошедшая вплотную, порог камеры, однако, переступить не спешила, – очередная... Ловушка?

– Возможно. Чтоб кто-то особенно голодный ломанулся, и его – отрезало!

– Сказал бы, что у нас от долгого пребывания в замкнутом пространстве обострилась хроническая паранойя... Но и сам так же думаю. Поэтому.

Предлагаю встать вплотную друг к другу – ну, то есть, друг за другом – обняться покрепче, и туда всем вместе – впрыгнуть. Боком.

– Думаете, если впрыгнем – затвор сработает уже с опозданием?

– Ну да. Датчики же предыдущей ловушки реагировали на давление. Ну, на сидения. Наверняка и здесь они тоже работают на давление. Но – на пол, а не на рычаги. А фотоэлементы эти гады приберегли, небось, на потом. Но! Если даже здесь и фотоэлементы, если впрыгнем вместе – они не смогут разделить нас. Не успеют.

– Звучит разумно... Но уж давайте пока потренируемся пока здесь, подальше от...

Собственно, тренироваться долго не пришлось: уже пятая попытка прыгать всем вместе, стоя спина к животу, и обнявшись покрепче, увенчалась полным успехом: они по команде Керка легко преодолели добрый метр синхронно, хоть и прыгали действительно – боком.

Керк, ощущавший животом тёплую спину Полины, и сам ощущавший прижатые к спине животик и грудь Рахель, чувствовал смущение: Полина наверняка почувяла, что он... Опять возбуждился.

Но женщина предпочла пока промолчать, лишь игриво посмотрев на него через плечо, заломив одну бровь: Бог знает, как ей это удалось!.. Но Керк покраснел.

– Хватит «прелюдии». – проворчала всё замечавшая Рахель, – Сначала – впрыгнем и подкрепимся. Игрища – потом. И то: если не будет какого экстрима!

Экстрима не случилось, но когда впрыгнули, перегородка и правда – захлопнулась.

– Тысяча чертей! Мы в ловушке! – деланно суровый и обвиняющий тон Рахель вовсе не бодрил, хотя она, возможно, надеялась, что такая шутка позволит разрядить обстановку, – Теперь копы похватают нас, как кур на птицефабрике! Это всё Джон виноват! Я предлагаю его немедленно застрелить!

Они «отлепились» друг от друга, и Керк похлопал ладонью по захлопнувшейся плоскости:

– Копы нас уже «похватали». Поэтому, господа задержанные, предлагаю пожрать, пока нас не перевели на тюремные хлеб и воду.

– Почему – «пока не перевели»? Вот именно – уже перевели! – Полина как раз разгрызла очередной шарик, – натуральный пшеничный хлеб!

– Блинн... Замечаете: шарики вроде... Стали поменьше.

– Это плохо.

– Почему, Керк?

– Потому что, похоже, наши боссы, – Керк показал глазами в потолок, – решили, что мы слишком успешно справляемся, и надо пищи нам давать поменьше, а задания подбрасывать почаще. И посложней.

– Тьфу ты!.. Типун вам на язык. Честно говоря, и эти-то были выше моего серого и посредственного интеллекта. А если будут сложнее, я останусь голодная. И необласканная.

– Почему – необласканная?

– Ну как же. Если еды будет меньше, вас не хватит на двоих!

– Тьфу ты... – Керк сердито сплюнул, – За это не волнуйтесь. Сил-то хватит. Просто...

– Да?

– Не вижу здесь необходимых сопутствующих прибаббасов для такого рода экспериментов!

– Это каких же ещё вам «прибаббасов»?! – Рахель рукой указала на грудь Полины и свою, переведя жест и ниже, – Все необходимые «прибаббасы» в наличии! И очень даже «в форме»!

– О, да... Тут ничего сказать не могу: *эти* прибаббасы – высшего качества! – Керк, покивав с самым серьёзным видом, и прищутив глаза, сделал рукой неопределённый жест, – Но я имел в виду другое. Мы же – не дикари какие. Мы испорченные цивилизацией и привыкшие к удобствам, Хомо Сапиенсы. Нам, чтоб, значит, *нормально* заниматься *этим*, нужно, вернее – желательно! – ещё и такие мелочи, как ванну, или хотя бы душ с тёплой водой. Мыло. Полотенца, смену нижнего белья, удобное лежбище, и всё прочее этакое...

– Обо что угодно буду спорить, всё это есть вон там! –

Полина снова пальцем ткнула куда-то за спину Керка.

Тот развернулся к открывшемуся в другой стенке проёму.

Действительно, всё имелось.

Они словно оказались в номере отеля. Не люкс, конечно, и уж тем более, не «вип»: никаких украшений, или декора. Голые белые стены, и...

Посередине комнаты – большая кровать. С матрасом и простынёй. Как минимум – двуспальная, как невольно хмыкнув про себя, отметил Керк.

В одной из стен ещё два проёма: за одним оказался туалет, за другим – ванна с душем. В мыльнице лежало мыло, на полочке стояли два флакона – как он сразу понял, с шампунем: для «девочек». Полотенца висели на кронштейнах...

И даже краны горячей и холодной воды имелись – с синим и красным пластиковыми кружками, совсем, как там...

Там.

Керк, пялясь на кружки, невольно сглотнул. Потом выдавил из себя:

– Деваться некуда. И отпираться бессмысленно. Ну, кто первый хочет помыться?

– Я первая застолбила вас, значит, и мыться полезу первой. – Полина, изящным движением, явно отработанным, вылезла из трусиков, кинула их прямо на пол ванной комнаты, и виляя тем, чем положено вилять, и бросая недвусмысленные взоры через плечо, удалилась за полиэтиленовую за-

навеску.

Зашипел душ. Послышалось: «Чёрт! Горячая...»

Керк и Рахель вернулись в комнату и присели на постель.

Переглянулись.

Рахель буркнула:

– Если не хотите – навязываться не буду.

Керк вспыхнул: ведь женщине будет и правда обидно, если он «пренебрежёт» своими «обязанностями»! Но как бы сказать...

– Рахель. Я понимаю, что теперь, когда до этого *действительно* дошло, я не вправе вам, как и Полине, что-то приказывать. Или навязывать. Да – даже *просить*. Но...

Если вы не слишком рассердитесь или обидитесь, я хотел бы сказать... Что очень вас хочу! Нет, правда: я хочу вас. И не потому, что вы... Помолодели, и выглядите просто убойно! Или на это «тонко» намекают устроители всего этого д...ма! Я...

Привык к вам. Вы обе стали мне... Дороги. И, думаю, что если бы судьба там, наверху, – он кивнул головой, – свела нас раньше, из нас вышла бы отличная пара!

– Я знаю. – Рахель дёрнула плечом, – Да и из вас с Полиной тоже получилась бы прекрасная пара. И вообще: вы явно – «элитный самец». Не качайте головой: я и правда так думаю.

– Спасибо. – Керку действительно было приятно, – Может, и так. Но вы – «элитнейшие» самки, если не обидитесь

за такое пошло-экспериментальное обозначение!

– Не обижусь. Более того: пропущу вас впереди себя в очереди в ванну. «Отмокать» и мыться буду долго. Не хочу *вас* пока смущать и отвлекать.

У вас с Полиной час.

Полина напоминала самую настоящую Венеру.

Нет, не ту, доходяжно-худощавую романтично-возвышенную ломаку: Венеру Ботичелли, а ту, что стала классикой в виде скульптуры. Пусть и без рук, но – с идеальными пропорциями.

Керк, имевший шанс, (Вернее – ему уж не без умысла дали возможность насладиться зрелищем!) теперь торопливо растирал тело под обжигающими (специально отрегулировал погорячее!) струями, стараясь воображение пока лишними мыслями не распалить: и так распалился, дальше некуда! Теперь бы не ударить в грязь лицом!

Не ударил.

Когда он появился из проёма, Рахель и правда – быстро ушла, и не спешила выходить, явно, как обещала, нежась и плескаясь в набранной ванне. Полина ждала его, чуть прикрывшись тонкой белой – ещё бы! Тут всё – только белое и чёрное! – простынёй.

Он остановился в ногах постели.

Женщина неторопливо потянула простыню на себя. Взору Керка открылась пара очаровательнейших и стройных но-

жек, с изящными маленькими (не больше тридцать пятого! И как это он раньше внимания не...) ступнями с розовой кожей на подошвах! Затем простыня двинулась выше: вот и роскошные бёдра, и четко обозначившаяся за последние несколько «кормёжек» талия, и наполненная аккуратная грудь...

– Приди же, о самец моей мечты!..

Несмотря на иронично-весёлый тон, Керк почувствовал, что женщина и правда – его хочет! Может, волнуется, может, стесняется прослушки и наблюдения – но – *хочет!*

От этого его плоть отвердела так, что теперь разве что не звенела!..

Однако забравшись на постель, он сказал:

– Разворачивайтесь-ка на живот!

Если Полина и хотела что-то спросить, под его серьёзным взглядом она явно желавший высказать очередную шуточку ротик прикрыла. Но тут же мило улыбнулась:

– Сдаюсь на милость победителя!

Керк, стараясь вожделённо не сопеть, опустил на колени, так, что его ягодички оказались на бёдрах партнёрши:

– Жаль, что нет никакого масла. Расслабьтесь. Это просто лёгкий массаж.

Массаж он делать умел.

И на самом деле то, что масла не было, нисколько ему не мешало: через пять минут под его сильными и уверенными пальцами роскошное тело партнёрши оказалось горячим и

податливым в достаточной степени, и он почувал, как последние следы напряжения от некоей неловкости покинули женщину.

Он нежно, но настойчиво развернул её к себе лицом. Начал целовать крохотные ступни: Полина, лежащая с закрытыми глазами, засмеялась:

– Щекотно!..

Больше никто из них не сказал ничего, потому что губы Керка переместились на бёдра и выше, и когда его язык начал свою «подпольную» работу с её кошечкой, женщина уже только постанывала, и пальцами зарывалась в его короткую шевелюру, вернувшуюся теперь на всю положенную поверхность головы.

Керк, почувствовав, что женщина и правда теперь – готова и ждёт, продвинулся вперёд, мягко вошёл.

Стоны стали громче. Он чуть ускорил темп, подсунув одну руку ей под талию.

Похоже, он инстинктивно нашёл то положение её бёдер, что нужно: женщина начала задыхаться, и извиваться так, что он еле её удерживал! Голова Полины с закрытыми глазами откинулась назад, и после нескольких его интенсивных движений с её губ слетело рычание, а тело под ним вдруг сильно дёрнулось и выгнулось дугой, так, что он ощутил стальные мускулы женщины: «А-а-а-а!.. Всё-всё-всё-всё!.. У-ах-х...»

Он заставил себя остановиться, хотя хотелось ещё и ещё

двигаться, только чтоб снова *это* слушать и слушать!.. И смотреть на крохотные капельки пота, выступившие над верхней губой... И ощущать, как расслабляется и словно оседает в постель это роскошное тело...

Ох уж это мужское самолюбие.

Но его ждала ещё и Рахель.

Несправедливо будет не «постараться» и для неё!

Рахель после его «стараний» в ванну не пошла. Тем более, что Полина пока оттуда не вышла.

Вместо этого женщина откинулась дальше на матрац:

– Не хочу никого оскорблять, но ты, – она как-то сразу, очень естественно, перешла на «ты». Керк и сам считал, что так будет правильней: они же – не чужие теперь, а... Семья! – тот ещё призовой кобель! Гады устроители. Хоть здесь поработали на совесть: мы точно подходим друг другу. В *этом* плане.

И почему это ты не встретился мне там, наверху, лет сорок... Или хотя бы тридцать – назад?

– Хм-м... Не знаю. Возможно, конечно, что *там* мы подошли бы друг другу. А возможно – и нет. Ведь там, наверху, были совсем другие обстоятельства, и всё такое... С другой стороны, могли ли мы действительно встретиться? Говоришь, что жила в Окленде?

– Да.

– Ну вот. А я хоть и ездил по всей стране, в этом городе

никогда не бывал.

– Керк. Ты однажды сказал, что работал... По строительству? – это правда. Они разговаривали иногда по дороге и перед ночёвками. В основном о той, прошлой, и сейчас казавшейся нереальным и туманным сном, «земной», жизни, – А что конкретно ты строил?

– Я не сказал, что строил. Скорее, наоборот.

– Что – наоборот? Разрушал, что ли?

– Именно. Разрушал. Я – взрывотехник.

– «Промышленный снос»?

– Вот именно. Начинал давно – пятьдесят лет назад. Простым рабочим, если эту работу так можно назвать. Устраивал ограждение – чтоб не разлетались осколки. Бурил шпур в несущих опорах, закладывал заряды. Раскатывал детонирующие шнуры.

Потом научился сам рассчитывать, где закладывать взрывчатку. И – сколько. Какое расстояние – безопасно. Потом... Потом решил открыть своё Бюро.

Переманил хороших специалистов, (Ну, обычным способом: пообещал им большие зарплаты!) завёл полезные знакомства. Давал взятки, конечно, отвечающим за муниципальные «нужды» чиновникам...

Ну вот и пробился в специалисты «номер один» в стране.

– Ух ты... Так ты, получается, – она отвесила ему шутивого тумака, – рискованный парень?!

– Вот уж нет! – он хмыкнул, – При правильной органи-

зации процесса никакого риска в промышленном сносе нет. Работа, скорее, похожа на работу клерка. Обычного офиса. Или того же бухгалтера – нужно просто всё точно рассчитать. А уж затем – просверлить, заложить, и протянуть проводку. (Ну, с этим, конечно, возни, и чисто физических усилий побольше.)

– А что – это и правда приличный заработок?

– Да. Приличный – это ещё мягко говоря. Фирма процветает. (Надеюсь только, что они там в моё отсутствие чего не упорют!) Дело тут в том, что если сносить какое-либо ненужное здание, или мост, или завод привычным способом, то есть – шаром на стреле крана, да бульдозерами с экскаваторами, да автогеном – это и долго, и дорого. Иногда даже дороже, чем это самое здание построить.

– А почему?

– Почему? – он тоже откинулся поглубже, стараясь расслабиться, и глядя теперь в потолок, потому что воспоминания о непростых, наивных, но сейчас казавшихся буквально золотыми, годах невольно нахлынули. – Потому что во-первых, бетон от времени становится лишь крепче: набирает силу, так сказать. А стоимость работы такой сложной и технологичной, простите за тавтологию, техники, как ножницы Лабаунти, бульдозеры Катерпиллар, погрузчики да экскаваторы, грузовики для вывоза обломков, ручная отработка отбойными молотками и автогеном тех мест, где техника не пройдёт – будь здоров! Да и кого попало в такую бригаду не

наберёшь. И зарплата у таких специалистов чудовищная!

А снос взрывом – гораздо быстрее. Не больше пары месяцев. И из техники – лишь ручные буры, взрывчатка, да то, что нужно для вывоза обломков. Поэтому для подрядчика мы обходимся почти вдвое дешевле. Да и хлопот только – обеспечить оцепление от любопытствующих дураков, и детей. Но сейчас и это – на нас. И, разумеется, на полиции.

– И... Много у вашей фирмы было работы?

– Хватало. Всегда. Особенно, кстати, в последнее время. Земля только дорожает – особенно городская. А зданий и конструкций, «не соответствующих Духу Времени» со временем становится всё больше. Вот и сносят их, кормильцев наших. Чтоб построить новую, «соответствующую», навороченную и «продвинутую», железно-стеклянную коробку. Или платный мост. Или парк аттракционов – словом то, что по мнению застройщика, принесёт ему больше денег.

– Понятно. Что ж. Как начальник, большой босс, ты, разумеется... – она подмигнула, – прикупал недвижимость?

– Нет. В первые десять лет я всё, что заработал, вкладывал – только в «расширение производства»! Новые типы взрывчатки. Детонирующих шнуров. Детонаторы, синхронизаторы, замедлители, электроника, и всё такое прочее – только самое передовое. Щиты для предотвращения разлёта осколков. Защитные покрытия. И то, что у меня за все эти годы не произошло ни одной накладки, или не погиб ни один человек – заслуга только моя. Скромничать тут нечего. Но чего

мне стоило добиться от помощников реально – неусыпного контроля и точного расчёта...

О-о!.. – он взъерошил начинавшую снова чернеть шевелюру.

– Представляю. – Рахель дёрнула нехудым, но очень приятным на ощупь, как имел возможность убедиться Керк, плечиком, – Ну что? Позовём Полину да поспим?

– Да. Да.

Проснувшись, Керк долго не мог понять, где он находится, и как сюда попал.

Потом до него дошло: он – в лабиринте! И вокруг темно! Нигде ни единой искорки света!

И только ощущение тёплых ягодиц, прижатых к животу и паху, да мягкой податливости груди Рахель, упёртых уже в его лопатки, говорило, что «его» женщины всё ещё с ним, и с ними всё в порядке: раз спят.

Он предпочёл не сеять «панику», и не будить: лежал удобно, так, как привык с женой. То, что спину грела ещё одна женщина, сейчас даже создавало ощущение дополнительного уюта: нет сомнения, что его дамы и сами так расположились инстинктивно.

Сопение Полины стало прерывистым: похоже, ей что-то приснилось... Нехорошее. Керк осторожно потряс женщину за плечо, приобняв другой рукой плотнее: «Чш-чш-ш!..»

Полина опять засопела ровно – и её тело расслабилось, и

словно растеклось снова по постели.

Сзади донёсся шёпот:

– Керк! Я знаю – ты не спишь. Почему нет света?

Он чуть развернул голову, одними губами вышептал:

– Не знаю. Но думаю, это сделано специально. На «аварию», или случайность здесь рассчитывать не приходится.

– Это-то я понимаю... Но... Зачем?

– Думаю, затем, чтоб наши глаза отдохнули. Ведь постоянное освещение сильно снижает остроту и способности зрения. Да и мозг при свете не отдыхает полностью. Так что дальше нам, скорее всего, предстоят сложные задачи, где от зрения и соображения будет зависеть... Если не всё, то – основное!

– Хм-м... Когда ты так говоришь... С одной стороны – успокаивает. Ну, то, что темнота – временная. А с другой – напрягает. Тем, что задания окажутся посложней!

– Логично. Сам беспокоюсь. Но... Смысла суетиться заранее не вижу. Всё равно мы не сможем угадать, что там для нас приготовили. – он старался говорить убедительно, хотя сам этой уверенности отнюдь не ощущал, – Поэтому предлагаю просто спать дальше: чтоб выспаться и отдохнуть. И быть готовыми.

Возражений не последовало, но животик Рахель оказался плотнее вдвинут в его позвоночник. А приятный он у неё, как Керк уже имел возможность убедиться.

Проваливаясь в дрему, он на краешке сознания успел по-

думать, что женщины у него действительно – элитные. И дети от таких получатся замечательные.

Здоровые, умные, и рассудительно-прагматичные.

То есть – похоже, именно такие, какие должны выжить и приспособиться в любых условиях.

И наиболее вероятно, что их, то есть, будущих родителей, как раз и проверяют на это. Приспособляемость к самым диким условиям. И – дружную, слаженную работу.

И поэтому – злобным истеричкам вроде Агнетты здесь не место.

Он только надеялся, что её «отправят в исходную колонию», а не...

«Утром» свет оказался на месте.

Керк, сладко потянувшись, обнаружил сидящую рядом на постели, свесив ноги, Полину.

– Доброе утро. А где Рахель?

– Там. – неопределённый жест рукой, – Моется.

– Ага. – он тоже перебрался на край постели, и присел рядом, – Как спалось?

– Плохо. Мне... Снился кошмар. Как я оказалась одна в лесу. Дикий такой лес – ёлки да сосны. Папоротники до пояса. Темно, как у... Хрен с ним, назовём, как положено: у негра в заднице. И я бегу по какой-то кривой тропке, а за спиной кто-то топает и рычит: стая волков, что ли... Слышу их всё ближе и ближе. – женщину передёрнуло, – А потом

кто-то что-то закричал, позвал меня, и меня перевернуло в воздухе, и я... Вдруг оказалась в саду. Цветочки там всякие, травка мягонькая вокруг, да бабочки... Чушь, да?

– Ну, может, не такая уж чушь. Лес и волки – это, несомненно, как сказал бы любой психоаналитик – отражение твоего беспокойства, вернее, беспокойства твоего подсознания. А возникло оно от непонимания и невозможности выбраться из чуждых разуму и привычному миру, обстоятельств. То есть – этого вот лабиринта. А то, как ты спаслась...

Об этом спроси Рахель. Она проснулась, когда я стал трясти тебя за плечо и звать.

– А-а... Так это ты кричал. Ну, спасибо. Спас, можно сказать, от кошмара.

– Ну, положим, не кричал, а шептал – боялся как раз Рахель разбудить. И – всегда пожалуйста. Видишь: нам как бы тонко намекают, что и спать нам лучше... Семьёй.

– Ага. Точно! Иногда я всё же думаю, что в сентенциях недоброй памяти Агнетты что-то было, – румяная и раскрасневшаяся от явно очередной ванны Рахель возникла на пороге проёма, – Это ты сделал всё это. И только для того, чтоб проверить свою какую-то теорию о полигамии! И потешить либидо!

– Блинн... Раскусили вы коварного меня. Сознаюсь: мне всегда было одной жены – мало, и я по ночам ездил ещё и к проституткам... Ну а если серьёзно – думаю, мы не одиноки

тут, в лабиринте.

Наверняка существуют и другие команды, с другим, так сказать, составом игроков.

– В смысле – другим?

– Ну, это просто. Например: два мужчины и женщина. Три мужчины и женщина. Один мужчина и одна женщина. Два мужчины и две женщины. А у нас, если вспомните, изначально было – три женщины и один мужчина.

– А почему ты думаешь, что число участников обязательно должно ограничиваться цифрой «четыре»?

– Я так не думаю. Просто лень перечислять: «три мужчины и две женщины. Пять женщин и четыре мужчины...». Вы же все эти варианты можете и сами додумать!

– Можем. Но почему-то не верится. В такое.

– Почему, Рахель?

– Не знаю. Но чувствую, что число «участников» и правда – должно быть ограничено. Хотя бы для того, чтоб по коридорам и камерам не таскалась, тычась туда и сюда, и отгоняя от сосков с водой и лотков с пищей более слабых коллег по несчастью, плохо организованная и вечно спорящая и ругающаяся толпа. Как-то это...

Не соответствует духу этого места, как мне кажется!

– Хм-м... Возможно, какое-то рациональное зерно в твоих мыслях есть. Неспроста же нам практически сразу удалось Агнетту «отсеять».

– Точно. Вначале мне было как-то... Жаль её. Думаю себе

– вдруг женщина погибнет из-за своей принципиальности!

– Полина! – Рахель поправила прядь влажных волос, – Называй вещи своими именами. Не «принципиальности», а – дури! Причём – откровенной. А ещё – склочного отвратительного характера. Конечно, там, наверху, – кивок головой, – такие обычно находят себе жертву. Подкаблучника. Паровоз, который тащит по жизни её и её балованных и таких же злобно-склочно-тупых отпрысков, занимающих таким образом жизненное пространство тех, кто более достоин. Порядочен. Умён. Но я согласна была *там* с этим, и этими – мириться. Ведь там – то всегда можно было их послать куда подальше, сделать ручкой! Или просто самой отчалить: благо – было куда!

А здесь – куда бы мы от неё девались?

– Рахель. Ты дарвинистка? – Полина смотрела с интересом.

– Ну... Не то, чтобы совсем уж рьяная... Скорее – прагматик. Я давно поняла: здесь, в лабиринте, в этом *искусственном* мире, выживание – куда сложнее, чем наверху. В так называемом «социуме». Здесь всё – утрированно обострено. Конкретно.

И нет заботливых родителей, друзей, воспитателей и учителей. Коллег по работе. Свободного пространства. Кучи различных рабочих мест – от полотёра до президента банка. И неспроста взяли именно нас – стариков, имеющих чёткие жизненные позиции и... Опыт. Думаю, именно это – наш

опыт, и трезвый взгляд на незнакомые и непривычные обстоятельства – и имело решающее значение для нашего отбора.

И вот мы здесь: в чуждой нам среде. Созданной специально. Искусственно. Чтоб «проредить» злобных стерв, хлюпиков, идиотов, да и просто – психически неустойчивых.

И если хотим выжить, и не оказаться «прореженными», надо действовать не «по совести», и «общечеловеческой морали», а по – разуму! Да, это – должны быть, пусть даже жестокие, но *разумные* решения! То есть, я уверена, что просто высказала сейчас вслух те принципы, которыми в той или иной степени руководствуется в последние дни и каждый из вас.

Разве не так?!

Керк помолчал, переглянувшись с Полиной. Он не сдерживал улыбки.

Полина сказала за них обеих:

– Именно так. Я-то это осознала, когда мы только отчаливали от этой дуры. В самом первом коридоре-тоннеле. И ещё, помню, думала, что твоему терпению, Керк, только позавидовать: ты так долго пытался эту сучку вразумить!..

– Вразумить можно только того, у кого есть разум. – Рахель покачала головой, – А у этой Агнетты имелся только огромный запас злости на весь мир, и неприятие чужого мнения. Очевидно она, как всегда свойственно глупым и слабым духом, весь мир обвиняла во всех своих проблемах и неудачах. Я... Чего там греха таить: рада, что мы от неё отдела-

лись сразу, а не попытались уговорить. Или даже – силой забрать с собой.

– От этого не было бы никакого толку. Мы лишь силы бы и нервы напрасно потратили, – Керк чуть не сплюнул от воспоминаний, дёрнув щекой. – Да и весила она побольше ста двадцати кило. Мы даже втроем не унесли бы такую далеко!

– Точно.

– Согласна.

– Ну что, милые напарницы? Войдём снова в «лифт»?

– Войдём. Потому что шариков с пищей нам за *это* вряд ли выдадут. Значит, надо шевелить ножками. И мозгочками. И вот ещё что... Мы – не напарницы. Мы твои жёны.

– Точно. – Керк спокойно проконстатировал этот непреложный факт, – Впрочем, если уж на то пошло, я и так все силы собирался положить на то, чтоб вы не пострадали при любом раскладе.

Про себя Керк подумал, что наверняка он уже, если б возникла необходимость, и жизнью бы за них рискнул. И упирался бы до конца. И не потому, что они переспали или привыкли друг к другу. И даже не потому, что столь близки во взглядах на устройство этого и того, оставшегося неведомо где, Мира. Но...

Но он всё-таки надеялся, что его жизнь всё же пока не потребуется.

Ну, хотя бы – в ближайшее время.

Соски в «лифте», и правда, отказались давать воду. А лоток – пищу.

– Чёрт. Мы закончили «ночёвку». Нам бы теперь пройти дальше. – Керк, задравший голову и обращавшийся к потолку, надеялся что его слышат и понимают – услышали же пожелание насчёт ванной и «прибамбасов»!

И точно: он едва договорил, как перегородка «спальни» захлопнулась, а перегородка в противоположной стене рывком поднялась!

– Что за хрень? – Рахель как обычно называла вещи своими именами.

Керк и сам вынужден был констатировать, что иного определения странной штуке тоже подобрать пока не сможет. Узкий тонкий круг, диаметром в пару шагов, возвышавшийся примерно на дюйм над полом, и венчающая его полусфера размером с добрую тыкву. Рахель между тем подошла поближе. Вдруг она резко притормозила:

– Осторожно! Этот недоделанный Сатурн – на самом деле что-то вроде пилы! Дисковой.

– Это почему? – Полина осторожно вдвинулась в помещение, оставаясь за спиной Керка.

– Да хотя бы потому, что вращается как бешенная, и жужжит!

Керк, подойдя, опустился на колени: действительно, штурковина тоненько жужжала. И диск вращался настолько быстро, что поэтому и казался неподвижным. Полусфера, вен-

чавшая пилу, не вращалась.

– Ну? Какие будут предложения?

– Не трогать.

– Не получится. Лотка и пипок здесь нет – значит, нам нужно эту комнату пройти. А чтоб пройти, нужно, чтоб открылась очередная дверь-заслонка. А другого препятствия, которое можно было бы «преодолеть», здесь нет.

– Ладно. Начинайте. Я лично никаких частей тела туда совать не намерена!

– Полина. Совать, как ты изволила выразиться, никто ничего, разумеется, не собирается. Потому что нет никаких сомнений, что это – действительно дисковая пила. Весьма страшное орудие, если честно. Но как же нам её... Выключить?

– Может, там, на днище, есть выключатель?

– Устами младенца... Хм-м... Керк. Ты не смог бы попробовать поднять эту штуку? Ну, взяв за верхнюю часть?

– Попробую. – он осторожно нагнулся, стараясь, чтоб ноги располагались как можно дальше от бешено вращающегося круга, и положил руки на верхушку сфероида.

Тотчас механизм пришёл в движение: «хреновина» двинулась прямо на него!

– Ах ты ж гад! – Керк невольно отшатнулся, автоматически убрав руки от верхушки механизма, – Шустрый какой!

– Отойди, отойди! Вон туда: в угол!

– Ага, сейчас! Чтоб он меня там зажал?! Нет уж. Я лучше

буду отходить туда, где есть «оперативный простор»! – полусфероид с пилой, двигался, как отметил Керк, к счастью, неторопливо: словно прогуливающийся по парку старик.

– Смотри-ка, эта штука так и тащится за тобой!

– Да, похоже, милый, ты ей тоже понравился. – Рахель скривилась, но, успокоенная тем, что агрегат хоть и выглядит страшно, но движется медленно, выдохнула, – Может, попробуешь отбежать?

Керк отбежал. Штуковина вдруг сменила направление движения, и направилась теперь к Рахель, стоявшей поближе.

– Ай! Чёрт! – женщина тоже начала отступать, – Похоже, он реагирует на тепло.

– Возможно. Поэтому он и принялся теперь за тебя: ты всё ещё слишком много вешишь.

– Чушь! Я... Вешу столько, сколько надо. Но что делать-то будем?! Не хотелось бы остаться без ступней! Да и спать будет нельзя.

– Да что там – спать! Даже отдохнуть не удастся. Зная нрав наших любимых «исследователей», можно смело быть уверенными в том, что запас энергии и настырность у этой хренотени – вечные!

– Ладно. Чем раньше мы придумаем, как его обезопасить, тем раньше поедим. И отдохнём.

Слушаю предложения.

Однако Керк ещё с минуту отступал, пятясь задом, и сно-

ва перехватив «приоритет» у агрегата, прежде чем его напарницы соизволили высказаться.

Рахель предложила:

– А давайте подойдём к нему с трёх сторон – вдруг он не сможет определить, за кем отправляться в погоню, и его процессор зависнет?

– Ну... Попробовать можно.

Однако «застопорить» механизм в центре зала, куда они собрались с разных сторон, не удалось: он каждый раз пускался за тем, кого выбирал по какой-то своей системе.

– Не пойму: то ли он идёт на тепло, то ли – на массу тела... Блин. Не получилось.

– Я предложу. – Полина убрала волосы с мокрого от не то – волнения, не то – усталости, лица, – Давайте прыгнем на него сверху. Тоже с трёх сторон, и все вместе: вдруг у него есть датчик критической массы?

– Мысль интересная. Попробовать можно. Только действовать придётся очень осторожно. И слаженно. И прыгать – только в центр! А то у нас ступни вспотели: не соскользнуть бы!..

– Да, не хотелось бы... Вот ...опой чую, что это будет нехорошо!

– Ладно... Так... вытрем как можно тщательней. Да, о любимый пол. Так, подходим. Нет, ты стань ещё левее... Готовы? На счёт «три»! Раз, два...

– Ай!

– Ох-х, блин... Ты, корова неуклюжая, все ноги оттоптала!

– Молчи, овца. Нехрена было отращивать такие лыжи!..

– Девочки, заткнитесь. Нет, это грубо: заткнитесь пожалуйста! Иначе мне вас не удержать! – Керк, обхвативший своих жён, с трудом удерживал их раскачивающуюся на спине агрегата троицу, – иначе кто-то тут точно без лыж останется!

– Да, да, Керк! Ай-й-й!.. Держи нас!..

Удержаться на спине чудовищного агрегата удалось. Как и остаться на нём стоять.

И теперь они толпились на его макушке, держась друг за друга, и стараясь сохранить неустойчивое положение, поскольку агрегат и не подумал выключиться. И как ни в чём ни бывало продолжал ездить по залу: теперь по его периметру, буквально на дюйм не касаясь стен.

– Интересно, если бы пила коснулась стены, он выключился бы?

– Вряд ли, Рахель. Скорее всего и стена осталась бы цела. Но вот за счёт чудовищной силы вращения и инерции круг пилы мог бы куда-нибудь отскочить... Вместе с агрегатом. И предсказать последствия невозможно: куда отлетит, и сможем ли успеть увернуться!..

– Нет, нам надо попробовать то, что мы предложили в самом начале: схватить за «тыкву», и попробовать перевернуть! Керк! Он как – тяжёлый?

– Не знаю. Я же его приподнять даже не попробовал: он сразу полез на меня.

– Так, понятно. Давайте прыгивать, и хвататься за колпак паршивца.

Они прыгнули и увернулись легко: силы ещё оставались. Керк кивками показал, что пора. Они снова приблизились с трёх сторон, и он забросил ладони на полусферу, изогнувшись над штуковиной. Агрегат продолжил наседать, неумолимо двигаясь на Керка, и заставляя оставлять на резинистом полу полосу из размазанного пота.

– Чёрт... Не останавливается! Ладно. Попробую прямо на ходу. Так! Вы – по моей команде! Один, два, три!

Женщины подбежали.

– Теперь пристраиваемся, пятимся вместе со мной, и нежно – повторяю: нежно! – держим меня за талию, готовясь принять весь мой вес. Задача понятна?

– А то!..

– Понятна.

– Погнали.

Керк, до этого отеревший по очереди потные ладони о бёдра, опустил их теперь пониже: прямо к опасной кромке пилы. Мысленно поплевал через плечо. Упёрся в сферу, усилил зажим рук насколько мог сильно, и приготовился рывком оторвать странный агрегат от пола:

– Поднимайте! – он одновременно с выкриком оттолкнулся агрегатом от пола, стараясь держать тот так, чтоб пила

оставалась параллельна поверхности.

Его легко подняли.

Аппарат оказался в руках: он практически ничего не весил! Керк даже чуть было не выпустил его от неожиданности: почти никакого сопротивления!

Он повернул механизм так, чтоб диск пилы находился в вертикальной плоскости:

– Порядок. Можете меня отпустить – держу!

– Ого!

– Твою ж мать!

Это так его дамы отреагировали на «вид снизу».

– Ну, что там? Есть?

– Есть. Сейчас отключу. – Полина протянула руку, – Вернее, попробую!

Что-то щёлкнуло. Еле слышное, почти комариное, жужжание стихло. Диск однако вращался ещё добрую минуту.

Когда он, наконец, остановился, Керк содрогнулся: дюймовые крючья-зубья внушали невольное уважение: таким наверняка ничего бы не стоило распилить не то, что кость, а и стальной брусок!..

Он не без опасения положил штурковину на пол: выключателем кверху. Теперь агрегат ещё больше напоминал половинку Сатурна с кольцами. Керк погладил поверхность дна механизма, не приближая, впрочем руки к выключателю: стандартной большой кнопке... Страшноватое устройство. А вот что б они делали, не окажись тут выключателя? Так

и стояли бы по очереди с агрегатом в руках, пока партнёры отсыпались бы?..

– Сработало. Вон: дверь.

– Точно. Ну, дамы, идёте обедать, что ли? Потому что завтрак, судя по моему ворчащему желудку, давно прошёл.

После обеда долго лежали. И разговаривали. Прямо в лифте.

Рахель хотела «попроситься» идти отдыхать, Керк и Полина настаивали на том, чтоб продолжить «работу», потому что не насытились небольшими порциями.

Рахель буркнула наконец:

– Ладно. Но помните: вы делаете это на свою голову!..

Керк кивнул. Задрал голову кверху:

– Следующий уровень, пожалуйста!..

– Ого!

– ... твою мать! – а неоригинально его девочки реагируют на всё, чего бы им здесь ни встретилось: будь то незнакомое, или, как сейчас, знакомое:

– Ничего не трогайте! – он надеялся, что голос не дрожит, но и не звучит слишком резко и сурово, – И, главное – не лезьте внутрь!

– Почему – не трогать?

– Почему – не лезть?

– Потому что, что бы нам не предстояло, залезать туда нельзя, пока не поедим.

– Почему?

– Возможно, они только и ждут нашего появления на борту, чтоб задействовать это дело.

– Думаешь, забросят куда-нибудь... На поверхность? Или хотя бы туда, где можно этой штукой воспользоваться по назначению? Хм. Ладно. Эту твою мысль я разделяю. Где тут лоток с нашими... – Полина обвела глазами немаленький зал, – Ага, вон он!

Керк и сам с удовлетворением отметил, что за «безлунную» ночь глаза не то, что восстановились, а и зрение стало как в молодости! Он отлично видел вдаль: всё резко и отчётливо!

– Пошли. А то у меня и правда – живот подвело.

Они не без удовольствия обнаружили, что шарики на этот раз даже чуть большего размера. Да и воды удалось «выдохнуть» больше обычной порции.

– Так. Стало быть, нам решили как-то компенсировать «трудозатраты», и расход энергии чисто на «нервы». – Рахель облизала даже пальцы, – На этот раз, похоже, соевая мука.

– Не думаю, что это – за наши «подвиги» и «переживания», – Полина покачала головой, – Потому что тогда Керку выдали бы вообще не шарик, а целый мяч. Скорее, это – аванс за предстоящую... Работу! И, вот руку даю на отсечение! – придётся попотеть. – женщина кивнула на агрегат, молча ожидающий их в центре зала.

Керк тоже покивал. Подошёл к машине, обошёл кругом. Вздохнул:

– Насколько я помню, эта модель армейского многоцелевого джипа называется «Хамви». И, судя по тому, что бронированный верх отсутствует, а имеется только пара труб-перекладин, страхующих пассажиров от смерти при переворачивании, нам не приходится надеяться отсидеться в надёжном укрытии кабины. Ну, там, куда попадём.

Зато вот отстреливаться – придётся. А ещё, я так предполагаю, ездить по бездорожью! – он показал рукой на два солидно выглядящих пулемёта, установленных на мощных и приваренных к трубам корпуса, турелях. (Дуло одного глядело в нос, другого – в корму машины.) И на огромные широкие колёса, разнесённые, наверное, на добрых три метра, – Эта штука по определению должна быть *очень* устойчива и проходима!

– Возможно, возможно... Но если мы залезем на борт, и нас действительно куда-то закинут, и заставят от кого-то отстреливаться...

До каких же пор мы будем отстреливаться?!

– Думаю, до тех, пока не приедем в место, могущее служить убежищем.

– И... Как мы узнаем это место?!

– Вероятно, нам как-то дадут знать, где оно расположено. Нет, правда, – он взглянул в их недоверчиво и с подозрением смотрящие глаза, – думаю, нам не придётся на этом дранду-

лете гонять по бескрайним просторам, скажем, африканских саванн, до тех пор, пока не кончится бензин или патроны! Нам каким-то образом *дадут* понять, где конечная точка нашего маршрута!

– Не слишком оптимистично... Но деваться некуда. Полезли?

– Ещё нет. Вначале – «планирование и расчеты». Кто умеет водить?

– Я. – Полина подняла руку. Рахель поколебалась:

– Я в-принципе, умею, но... Последний раз делала это лет сорок назад.

– Понятно. Кто умеет стрелять?

– Я. – Рахель подняла руку на этот раз без колебаний. – Научилась, когда гостила у брата, в Израиле. Он там у меня – командир спецроты элитных войск... Поэтому пулемёт даже пятидесятого калибра для меня – не проблема.

– Хм-м... Смотрю, разбираешься. – Керк и сам отметил, что пулемёты на борту – не из маленьких и «специальных», «карманных», типа, как для отрядов по борьбе с террористами. Или полицейских сил, нуждающихся в небольших и удобных УЗИ, или «Каштанах». Нет, тут – настоящее армейское оружие. Боевое. С чудовищной отдачей.

Но – и жуткой огневой мощью.

– Хорошо. Встанем напротив наших «рабочих» мест. Полина – ты перед дверцей водителя, Рахель... Как предпочитаешь – передним или задним?

– Передним!

– Хорошо. Значит, рядом с Полиной. Я – назад.

Они встали напротив обозначенных мест. Керк сказал:

– Ладно. Предупреждаю сразу – стрелять будем только в... Нечто, или кого-то – агрессивно настроенного. Коров и кусты не трогаем!

– Почему это?! – деланно-кровожадное выражение на лице Рахель сменилось столь же показным удивлением, – Я, понимаешь ли, только-только настроилась навести шухеру там, куда отправят, а ты...

– А я думаю, что это – очередная проверка. В том числе и на «гуманность».

– Чего?..

– Ну, встречаются же люди... Маньяки-охотники, например. Готовые бессмысленно и кровожадно истреблять даже беззащитную дичь. Стрелять и убивать всё, что попадает в поле зрения. Поскольку упиваются просто тем, что у них в руках чудовищная мощь, и рвутся показать, какие они «крутые». Неспортивно, короче, себя ведущие.

А мы проходим типа теста. Должны, значит... Убивать только в случае непосредственной угрозы нашим жизням! Или...

Столько, сколько рассчитываем съесть!

– Я никого там есть не собираюсь!

– Я тоже, Полина. Сказал, чтоб было понятно, почему не хочу стрелять зря. И – в неопасных... Объектов. Или сущь-

ектов.

– Думаешь, на нас нападут... Люди?

– Думаю, пока – нет. Этические задачи, как самые сложные, тут явно приберегут для самых последних этапов лабиринта. Так что думаю – животные. Хищные. Крупные и живучие.

– Понятно. – Полина кивнула, – Ну, теперь-то – полезли?

– Рахель?

– Я готова.

– Полезли!

– Как думаешь, этот – достаточно «агрессивный»?!

– Этот – да! Огонь! – ему приходилось орать что было сил.

Рахель, передёрнувшая затвор пулемёта ещё в белом зале, нажала на гашетку.

Очередь, с каждой пятой, насколько Керк мог судить, трассирующей, пулей, разрежала злобную тварь почти пополам! Монстр заорал дурным голосом, и шмякнулся оземь, подняв тучу брызг и обдав их настоящим ливнем из грязи.

– Гони, гони! – Керк, стирая шлепки с глаз, и не оглядываясь на водительское место, развернул и свой пулемёт, и скосил очередью целое стадо: приблизившиеся было велоце-рапторы попадали так же быстро, как и аллозавр! Следить за тем, куда приходится попадание, было легко: трассирующие!..

– Куда гнать-то?! – Полина и так гнала на предельной ско-

рости вперёд, стараясь вырваться из широкого кольца, которое неминуемо сжималось вокруг летящего по саванне джипа, брызги и шлейфы воды так и летели из-под пробуксовывающих кое-где колёс, – Где это чёртово «Убежище»?!

– Ну как же! Вон – туда! Свет-то никуда не делся! – они и правда, едва джип без всякого перехода оказался на залитой лунным светом равнине саванны, решили, что двигаться будут на столб света. Потому что, во-первых, свет здесь может исходить только от техногенных приспособлений и сооружений, а во-вторых, этот столб располагался прямо по курсу движения.

– Не могу! Тут прямо – болото! – Полина тоже что было сил кричала, стараясь перекрыть рёв мощного мотора, а ещё её речь постоянно прерывалась от рывков и толчков: это жёсткие рессоры преодолевали рытвины и ухабы. Конусы света от мощных фар то упирались в небо, то чуть не тонули под бампером машины.

Керк всё же оглянулся через плечо, уложив очередную партию рапторов. (Эти оказались крупнее – наверняка вес и размер противника будет постепенно нарастать! Иначе будет «неинтересно», как выразилась Рахель, убивая первого «малыша», лишь чудом не вцепившегося в одно из передних колёс. (Только проколов им недоставало!) Керк тогда только фыркнул, но сейчас думал, что, похоже, напарница права: им всегда дают задачи от простого – к сложному.)

Впереди действительно маячило что-то вроде топи: лун-

ный свет отражался в глади не то озера, не то – реки, пробираясь сквозь заросли камыша и травы. Он заорал:

– Давай налево: там, вроде, холм!

После поворота ему снова пришлось палить изо всех сил, вертя турелью и вправо и влево: Рахель повезло, если можно это так назвать: чёртовы твари в основном норовили догнать их. Причём складывалось впечатление, что сейчас они подтягиваются к джипу со всей огромной равнины! Поэтому Керк, взяв на себя задний сектор обстрела, вертел дулом градусов на двести сорок с лишним, мысленно посылая благодарности конструкторам вездехода: они явно такое предусмотрели, и он не рисковал вывалиться из кузова!

Гнать слишком уж быстро Полина не могла: кочки и ямы, предательски скрытые белой в свете фар травой, достигавшей, наверное, колена, в свете луны вообще никак не обнаруживались, а перевернуться сейчас было ну никак нельзя! И Керк, и обе женщины отлично это понимали.

– Вот сволочь! Да чтоб тебя ...! – Рахель выругалась и покрепче – похоже, от очередного рывка прикусила язык, – У меня на десять часов какой-то огромный гад!

Керк развернул турель почти в нос: точно! Но он его не достанет с такого угла!

– Полина! Правей!

Теперь он смог поймать массивную тушу в перекрестье прицела, и выпустил длинную очередь в дополнение к и так беспрерывно палящему пулемёту Рахель. Он видел, как пу-

ли, посверкивая огненными хвостами, вонзаются прямо в чёрную громаду, и буквально слышал их чавканье! Но тварь не сдавалась, словно они палили не стальными снарядами почти с банан, а вишнёвыми косточками! И упрямо пёрла наперехват!

Он попробовал пострелять в голову: вдруг удастся попасть в глаза!

Вроде, получилось: динозавр вдруг взвыл и остановился. Принялся крохотными передними лапками тереть морду и те места, где полагалось быть органам зрения!

– Отлично! И как это я не сообразила целиться в голову!

– Хорошо, что ты туда не стреляла. Это – ти-рекс! Крепче его черепа здесь, в эру динозавров, ничего нет! В мозг же целиться и вообще – глупо! Он размером с грецкий орех. А то, что я попал в его крошечный глаз, ничего не значит! Просто везение! Да и надо было как-то остановить эту тушу.

– А сколько он мог весить? – это влезла Полина, вырубившая на что-то вроде тропы, и теперь ведущая машину гораздо уверенней и быстрее. Они сумели оторваться от армады более мелких хищников, и Керк наконец смог взглянуть вперёд попристальней.

– Говорят, ти-рекс весил до пяти тонн... Впрочем, я рад, что мы не стали проверять это на практике.

– Я тоже.

– Я тоже. – Рахель откинула волосы со лба, – Ф-фу, чёрт, затрахалась! Да и пулемёт этот... Та ещё чёртова железяка!

...рен удержишь!

Керк, невольно взглянувший на руку, поправившую развевающуюся на ветру «причёску», и на сами волосы – что одной, что другой «амазонки», почувствовал укол в сердце: чёрт возьми! Не зря они их «мыли»! Вот это – гривы! Божественно! Не-ет, определённо есть что-то в длинных пушистых женских волосах такое, такое... Что неотразимо действует на любого мужчину!

Да они у него – настоящие красавицы!!! Похоже, молодеют буквально не по дням, а по часам!

Проклятье... Самому-то себе можно признаться: ему *жутко* повезло, что бы там себе не планировали чёртовы зелёные человечки! Не каждому... Вернее – никому не выпадает шанс на вторую молодость и при этом... Секс с восхитительными и раскрепощёнными и не комплексующими (Очевидно, это приходит с возрастом!) партнёрами!

Он сглотнул непонятно откуда взявшийся ком в горле:

– Я вам, милые девушки, сразу сказал, что стрелять предстоит во что-то крупное и злобное. Так что спасибо, что нам не поставили стандартные пехотные пукалки калибра семь шестьдесят два. Ими мы вообще никого здесь не впечатлили бы.

– Да-да, я безумно рада, что мы «впечатлили»! – иронии в тоне Полины не услышал бы только слон, что-то вроде которого как раз и пёрло на них, – Будьте добры, перестаньте трепаться о боевых характеристиках, а задействуйте это са-

мое оружие!.. Это – слон?!

– Держи правей! Тогда и я смогу стрелять!

Теперь, на тропе, машина шла резвей, и гораздо мягче, и стрелять было бы, если можно так сказать – одно «удовольствие».

– Это – не слон! Вон какой у него бивень. И гребень из пластин по всей спине! Рахель! Не стреляй! Эта тварь – травоядная!

– Ну и что?! Какая разница?! Может, она нас и не сожрёт – так затопчет!

– Не затопчет. Мы, похоже, просто впёрлись на её кормовую территорию. А личную вотчину надо охранять от посягательств конкурентов.

– Да и ... с ним, что надо! Давай, попробуй объясни ему, что я не буду жрать его траву, и писать в его ночной горшок! – Рахель старательно удерживала четырехметровую в холке слоноподобную громадину, короткие ноги которой к счастью, не позволяли развить достаточно высокую скорость, в перекрёстье прицела, но стрелять действительно пока воздерживалась.

– Согласен, это трудно. Да и не понимаем мы по-динозаврски. Остаётся бежать, «позорно» покинув поле боя! – Керк, державшийся за турель теперь больше для того, чтоб не упасть, чем чтобы прицелиться, рассмеялся, – Полина! Во-он – ещё колея! Давай на неё! И – газу! Не думаю, что территория этого сердитого паршивца уж слишком обшир-

на, через пару минут отстанет!

Действительно, монстр вскоре отстал, и даже окончательно остановился, проводив их свирепым фырканьем и взрыванием. Огромный бивень на носу, как бы знаменуя «победу» над бегущим врагом, вскинулся кверху, сверкнув в свете луны молочно-белой свечой. Сзади монстра теперь явно угадывались силуэты похожих монстров, но размером поменьше: стадо самок и детёнышей.

– Знаешь, а хорошо, что мы не стреляли. Сейчас бы мне было стыдно... Перед его детьми. – Рахель утёрла пот со лба тыльной стороной предплечья.

– Ага. Мне тоже. – Полина позволила себе посмеяться, – Ну что? Вон туда?

– Да, Полина. Вон туда.

Керк, убедившись, что сзади и с боков больше нет, по крайней мере в пределах видимости, реально агрессивных и опасных монстров, перебрался тоже вперёд: встал, держась за трубы рамы, между женщинами. Благо, ширина кузова Хамви позволяла стоять рядом не теснясь. Он ощущал странный подъём: словно первобытный дикарь, заваливший мамонта! А ведь, вроде, ничего такого они не сделали: только отбились! Но...

Но стоять вот так, в автомобиле, быстро несущемуся по бескрайним просторам степи с торчащими кое-где редкими деревцами акаций, и горами где-то на заднем плане, уже чуть освещаемыми восходящим солнцем, и ощущать, как в лицо

бьют тугие струи ветра, и запах травы, пыли и навоза проникает в лёгкие...

Это, конечно, – то ещё ощущение!

И то, что бок о бок с ним – соратницы, в которых он уже вполне уверен, почему-то наполняет грудь чувством удовлетворения.

И – единения.

Похоже, они стали-таки Семьёй!

К белому кругу, очень похожему на тот, с которого они стартовали, подъехали уже когда рассвело. Теперь свет, вертикальным столбом исходящий прямо из его поверхности, не был столь заметен, как в темноте тропической ночи.

– Въезжать?

– Погоди-ка, боевая подруга. Мне в голову пришла такая мысль... Керк, а стоит ли нам так уж торопиться отсюда выезжать? Может, мы попробуем здесь... Обжиться?

– Знаешь, Рахель, я и сам над этим думал весь последний час, благо, все гады отстали... Но, как мне кажется, смысла в этом нет. Мясо динозавров жёсткое и невкусное – у них были почки другого типа – как у акул. То есть – много аммиака в крови.

– Это что: говоря проще – всё провоняло мочой, что ли?!

– Ну да. Можно и так сказать. Хотя... Велоцерапторы, вроде – предки птиц. Этакие гигантские цыплята. Табака.

– Вот уж не рвусь попробовать... Где мои любимые ша-

рики белковой массы?

– Подожди-ка, Полина. – Керк остановил собравшуюся было нажать на педаль газа женщину, – Тут мне в голову тоже пришла мысль. Но – не по поводу «пожить» здесь. А разжиться, если уж мы отбились, имеем фору, и готовы отчалить «к себе» – каким-нибудь оружием. Или хотя бы орудиями: палками, камнями, травой...

– Думаешь, из этого выйдет толк?

– Не знаю. Но попробовать-то можно? Ну-ка, Полина, оставайся на стрёме, и следи за окружающим. А мы с Рахель посмотрим: что тут и как.

«Смотреть» однако особо долго не пришлось: Полина, забравшаяся на перекрестье страховочных труб кузова, и представившая ладонь козырьком к глазам, заорала:

– Вижу стадо рапторов на пять часов! Крупные, шустрые. Несутся прямо к нам! Не больше километра!

Керк, нашедший всего один камень, и одну старую, покоричневевшую от солнца, кость, похожую на берцовую, крикнул Рахель, «искавшей» по другую сторону машины:

– Рахель! Как успехи?

– Вот! – его напарница потрясла в воздухе чем-то вроде витого рога газели, – Только рог! Да и то – какой-то трухлявый!

– Ладно, сойдёт! Давай в машину!

Они добежали, и вскочили вовремя: оруще-визжащее стадо трёхметровых тварей с разинутыми в предвкушение па-

стями, куда свободно можно было бы засунуть колесо Хамви, было в какой-то сотне шагов, когда Полина осторожно въехала в центр круга.

Вселенная снова разомкнулась и сомкнулась вокруг них.

Керк упал на пол с высоты полуметра. Рахель тоже: женщина вскрикнула. Но скорее от страха, чем от боли: они практически не ударились, потому что упали на ноги – смогли сгруппироваться и спружинить!

Полина, падавшая с высоты сиденья, среагировать не успела: треснулась о привычную жёсткую упругость чёрного пола всей задницей!

– У-у!!! Сволочи!!! Больно-то как... – женщина перека- тилась на бок, потирая ушибленные места, – Могли бы предупредить!

– Ничего. Не страшно. Попросишь нашего мужа – и он поцелует тебя в то, чем ударилась. Говорят, это отличное лекарство!

– Рахель. Ты – циничная свинья. Хотя и моя лучшая подруга...

– И молочная сестра. И старшая жена. И... Керк? Ты – что?

Керк, недоумённо вначале, сейчас оглядывался уже в полной уверенности, разочарованно качая головой.

– Ни-че-го. Уже – ничего. Чёрт. И как это я раньше не догадался!..

– Ты о чём?

– Вот об этом! – не без раздражения он обвёл рукой очередную, или всё тот же, стандартный белый зал, – Сам дурак! Можно было сразу догадаться, что всё это – иллюзия! Конечно: кто нам действительно даст на Хамви гонять по историческим саваннам и стрелять в динозавров! Посмотрите: ни машины, ни камней, ни рогов!

– А ведь и правда: здесь... Ничего нет!.. – голос женщины звучал растерянно.

– Да, Полина. Нас... Провели. Думаю, это такой вид симулятора.

– погоди-ка, Керк! – Рахель подошла ближе, положив ладонь ему на плечо: она и правда расстроилась, – Почему ты думаешь, что это – симулятор? Ведь для такого, чертовски, кстати, достоверного, эффекта, нужно надевать на голову визуализационный шлем, и подвешиваться в таком... э-э... как бы шаре?!

– Это там, дома. – он кивнул вверх, – всё это было бы именно так. А наши зелёные друзья, похоже, не нуждаются в технике. Во всяком случае, в *такой* технике!

Примитивной.

– Проклятье. Вот уж надурили так надурили... – в голосе Полины явственно слышалось разочарование, – А я-то думала: вот уж приключение так приключение! Не стыдно и внукам будет рассказать!..

– Нет, сестра, двойной облом: вряд ли нас и к внукам отправят, и настоящего динозавра дадут понюхать... Или по-

трогать. Наверное, воспроизводство этих тварей во плоти стоит куда дороже, чем стерео-, quadro-, тридцать семь дэ, или какая там у них картинка...

– Картинка, должен признаться, до жути правдоподобная. И, если честно, меня с самого начала – ну, с момента нашего попадания сюда! – преследовала мысль, что и *это* – только представление. Шоу. Что мы с самого начала – ну, то есть, с самого первого зала! – лежим себе полёживаем в каких-нибудь баках с рассолом, опутанные проводами и датчиками, и с загубником кислородного прибора во рту: как в старинном классическом киберпанковском фильме «Матрица». А всё, что с нами происходит – на самом деле просто иллюзия! Наведённая нам прямо в мозг. Словом – сон.

– Возможно, возможно... – Рахель подняла руку и дотронулась до его плеча снова. Ладонь переместилась на грудь, живот Керка, а затем – и ниже, – Но я бы сказала, что раз сон не отличается для нас от реальности, может и стоит – не выдрючиваться философскими рассусоливаниями, а... Просто жить?! Мне лично всё уже даже начало нравиться!

Ведь мы живы. Мы помолодели. Ничего не болит и не ломит. Мы получаем удовольствие от своего вполне здорового тела. Нас кормят и поят.

И мы вполне боеспособны, как наверняка доказали чёртовым зелёным гадам – пусть и на симуляторе. И знаете что?

Я согласна продолжать «лежать в ванной, опутанной проводами», только бы нам снова... Прожить наполненный со-

бытиями и приключениями новый день. А потом, «дома» – снять нервное напряжение. Самым рациональным и проверенным способом!

И на этот раз – уж я – первая!

Полина, сердито сопя носом, надула губы. Потом не выдержала – рассмеялась. Керк и Рахель присоединились.

Керк почему-то чувствовал огромное облегчение: как хорошо, что его жёны – рационалистки!

И – с юмором.

Их действительно отправили снова через «лифт» – «домой». В комнату отдыха.

Но вышли они туда из лифта не раньше, чем съели и выпили то, что им причиталось.

В комнате ничего не изменилось.

Рахель бухнулась на кровать, обессилено раскинув руки:
– Полина! Если хочешь мыться – иди. Я... Отлежусь. И... Я пошутила насчёт «снятия стресса». Если хочешь – наш муж сегодня в твоём полном распоряжении!

Полина глянула на Керка с опаской:

– Керк...

– Да?

– Ты не слишком обидишься, если я попрошу сегодня обойтись без... Увеселений?

– Нет. Я и сам устал. И даже то, что моему телу сейчас где-то около сорока, судя по прорезавшимся под протезами

«свежим» зубам, и восстановившейся на лысине шевелюре, всё равно: просто отдохнуть после такой «увеселительной» прогулки, будет, как мне кажется, полезней!

– Согласна. – Рахель застонала, перевернувшись на живот, – У меня каждая мышца тянет и ноет! Вот трясучая нам попалась колымага... Керк? Можно попросить?..

– Можно. – он забрался в ставшую почти традиционной позицию, и потёр ладони друг о друга, – Значит, Полина. После тебя – я. А теперь с вами, уважаемая клиентка...

Ну-с, вообразите, милочка, что вы – в спа-салоне...

В постели, несмотря на усталость, сразу не «вырубилась». Разговор начала Полина:

– Как думаешь, Керк, нас здесь долго будут гонять?

– Если честно – думаю, недолго.

– А... Почему ты так думаешь?

– Сама можешь догадаться. Потому что – какой смысл нас здесь гонять «долго»? Чтоб увидеть – что? Нашу способность проходить сложные пространственные лабиринты? Проверено. Нашу слаженную работу? Проверено. Нашу... Сексуальную гармонию? Достигнуто. (Тьфу-тьфу!) Теперь осталось проверить... Разве что нашу решимость бороться с чем угодно, с кем угодно, и как угодно. До конца.

– То есть – до смерти?!

– Нет, надеюсь, до этого всё-таки не дойдёт. Нам наверняка не предложат таких заданий, чтоб мы заведомо не могли

справиться. И остаться при этом в живых.

– Э-эхх, мне бы твою уверенность, дорогой... – Рахель повернулась на бок, лицом к ним, – По-идее, следующим этапом могло бы стать испытание чем-то, чего мы все очень боимся, или... Тем, что вызывает омерзение, или брезгливость. Ну, скажем, гигантские пауки. Змеи. Фаланги какие-нибудь, тарантулы, сколопендры. Крысы. О! Думаю, сейчас, ну, то есть – завтра, на нас могут натравить огромные полчища крыс!

– Почему, Рахель?

– Потому что их и мужчины и женщины на дух не переносят! Бр-р!.. Мерзкие твари!.. А они, в принципе, очень разумны. Вот уж были бы опасные противники – это вам не куры-переростки с мозгами амёбы! Говорят, даже если им покрошить отравленной пищи, они не пробуют, а заставляют поесть какого-нибудь «добровольца» – ну, ту особь, что в иерархии занимает нижайшее место! – и ждут. Сдохнет эта особь или нет. И только потом едят или не едят. Да и нападают они, если уж нападают, всей толпой.

И боятся – только огня!

– Возможно, возможно... А теперь, после того, как ты это сказала – и более, чем возможно. Я обратил внимание, что эти хитрецы подбрасывают нам как раз то, чего мы предполагали... Или прямо – заказывали. Вот, например, – он поднял глаза к потолку, – если я сейчас попрошу их выключить свет, как в прошлую ночь, оставив только дежурный ночник

в ванной, чтоб мы, стало быть, выпались получше...

Свет погас. Только в ванной остался ночник.

– Ну? Видите? Готовьтесь. Крысы действительно опасны. Эх, хорошо бы на завтра какое-нибудь более действенное, и не столь тяжёлое, как пулемёты пятидесятого калибра, оружие...

– Да уж. Не сомневаюсь, что завтра мы его получим. Но... Вряд ли мы снова столкнёмся с реальными крысами – скорее, это опять будет симулятор.

– Почему, Рахель?

– Потому, что мы – слишком ценный генетический материал, чтоб нами вот так глупо рисковать. Нет. Напоследок, думаю, у них всё же приготовлены...

Опыты по – именно размножению.

– Я уже говорила, что ты – циничная коза. Если б ты была на килограмм двадцать полегче, я б тебя... Точно отшлёпала!

– Дамы, – Керк понимал, разумеется, что его дамы шутят. Но...

В каждой шутке есть доля шутки. А остальное – голая правда. Перепалки, пусть и шутливой, он допускать не собирался:

– Садо-мазохистские игрища предлагаю оставить на период *после* опытов по размножению. Когда станем ленивыми, пресытившимися, и солидными... Матерью и отцом семейства из пары десятков отпрысков.

А пока нам лучше всё-таки поспать. Потому что даже я чувствую себя, как выжатый лимон. И мышцы ноют. А если завтра, как нам это накаркивает старшая жена, предстоит борьба с хвостатыми грызунами, мышцы ого-го как понадобятся.

Возражений не последовало, и дамы, которых он в полумраке почти и не видел, начали ёрзать по постели: укладывались поудобней.

Ничего: Керк знал, что к утру их тела снова окажутся прижаты к его торсу, и ножки будут покоиться там, где им положено покоиться. Чтоб их обладательницы чувствовали, что они – в безопасности, а он – в их безраздельной собственности...

Проснувшись среди ночи, чтоб перевернуться с затекшего бока на другой, Керк обнаружил, что они действительно снова прижались друг к другу. Хотя в комнате было и не холодно. Впрочем, он бы мог поспорить, что с тех пор, как началось их «омоложение», температуру окружающей среды их наблюдатели постепенно снижают. Сейчас она наверняка не выше двадцати – двадцати одного: комфортно. Да и слава Богу. Лишь бы не понизили до минусовой: тогда точно придётся заказать «организаторам», и завалить какого-нибудь мамонта для добывания шкуры. Ну, или саблезубого тигра...

Керк глубоко в подсознании понимал, чувствовал, что и мышцы и кожа стали куда более сильными и упругими – как

у него, так и у женщин. Мысль о том, что рано или поздно им придётся осуществить и «брачные ритуалы» и «опыты по размножению» со всеми последующими осложнениями в виде родов и воспитания, не давала ему покоя уже несколько дней.

Но он пока гнал её от себя: они явно ещё не доказали окончательно, что достойны. И смогут родить и воспитать достойное поколение... И им явно ещё не предоставили всех возможных задач и ситуаций.

Но ломать голову, прикидывая, что и когда их может ожидать, смысла не видел.

Будет день – будет пища!

Утром Рахель растолкала его весьма бесцеремонно:

– Э-э!.. Добытчик и опора! Ну-ка просыпайся. Старшая жена хочет есть, а младшая сказала, что хочет новую юбку!

– Чего?! – Керк спросонья не слишком хорошо воспринимал неназойливый юмор «старшей жены».

– Чего-чего... Жрать хотим – вот чего! А ещё прорабатываем план, как бы порвать чёртову простынь на полосы, и завернуться.

– А-а... Вряд ли получится. Да и – просто из комнаты не выпустят. А насчёт еды... Сейчас. – он сел, спустив ноги с постели, и некоторое время сидел, шевеля челюстями. Потом всё же вынул вставные протезы: новые зубы, выросшие за ночь под ними, уже приняли почти нормальный, полно-

ценный, вид – во всяком случае, на ощупь.

Он жажал протезы в ладони: так, чтоб почувствовать, как их острые углы вонзаются в плоть.

Больно!

Он снова засунул другую руку в рот: ощупать. Сомкнул «обросшие» мышцами челюсти, прикусил пальцы... Тоже больно. И на пальцах остались вмятины.

Нет, это не сон: зубы действительно, как он почти не смел надеяться, выросли!

– Ага. Любуешься своими новоотросшими приспособлениями для разгрызания мучных шариков? – Рахель фыркнула, – Ох уж эти мужчины! Готова поспорить на что угодно, в зеркало на себя пялятся куда больше и пристальней нас! Хотя, надо отдать вам должное – боевой макияж вы на морду лица почти не наносите... Ну, как?

– Неплохо, неплохо. Отрасли, зар-разы!

– А ну-ка, покажи... Так. – ему, словно коню на ярмарке, уставились в рот, и даже губы отодвинули, – И правда – отрасли. Ну, теперь с тобой хоть целоваться можно будет спокойно: ничто там с места не сдвинется, и у меня во рту не окажется!

Керк только усмехнулся: он привык к цинично-рациональным шуточкам «старшей жены», и они ни его, ни Полину уже не шокировали. Наоборот – принявшая их обеих уже за «своих» Полина иногда в критические моменты, такие, как, например, вчера, подпускала таких матюгов, что у

Керка только что уши в трубочку не сворачивались.

Керк же пока старался вести себя... Цивилизованно. Ну, в меру сил, конечно.

– Так. Мы умываться будем, или сразу двинем на следующее «задание»? – бодрости духа в голосе Полины, валявшейся на спине, не чувствовалось.

– Рахель?

– Умыться вначале было бы неплохо. Потому что холодная вода в лицо – способствует. Лучшему соображению. Да и пить теперь можно – вволю.

– Согласен со старшей женой. Полина, ты – уже?

– Да. Я, собственно, давно проснулась.

– И – что? Почему не будила?

– Не хотела мешать выспаться. Ведь разным людям нужно разное время, чтоб восстановиться. Мне, например, там. – кивок вверх, – шести часов вполне хватало.

– Хм-м... Точно. А мне – восьми.

– А мне – семи, или чуть больше, – Керк с деланным стоном поднялся на ноги, – Ладно. Пойду и правда – ополосну холодной водой. Может, мозги прояснятся.

Он протопал в ванную, и действительно умылся холодной водой. Попил. Растёр лицо полотенцем – до красноты. Зубы чистить после «шариков» смысла не было – от них не осталось ни «кусочков», ни запаха. Похоже, именно поэтому им зубных щёток с пастами и не предоставили.

– Умылся, что ли? – в ванную вошла Рахель.

– Угу.

– Ну так освободи рукомоёйник.

Керк вышел из комнатки и присел снова на постель, рядом с Полиной.

– Как думаешь, что там будет сегодня?

– Не знаю. Но раз вчера была ночь, сегодня, для разнообразия, может быть день. Или – не день, если будем не на поверхности, а, скажем, в каких-нибудь катакомбах. (Ну, крысы же обычно живут в катакомбах. Или норах!) А больше сказать пока ничего не могу. Не представляю.

Полина вздохнула. Потом подняла голову на него:

– Ты тоже думал об... Агнетте? Предполагал, что с ней случилось?

– Думать-то думал... Но, как я уже говорил, у меня есть сильные сомнения, что это и вообще была – Агнетта. Так, наведённый нам в органы чувств – фантом. Призрак. Цель которого была сплотить нас. И вынудить отказаться от скандалов и разборок-выяснений, кто виноват, да «почему всё это случилось именно с нами»! И заставить начать движение.

– Перестань. Должен же человек во что-то верить!

– А я верю. Что мы – вот, мы! – настоящие! – он несильно ущипнул её за приятное на вид и на ошупь бедро, – И что нам лучше и дальше исходить именно из этой мысли. Ты понимаешь, о чём я?

– Разумеется. Разумеется. Я же, – она невесело усмехнулась, – рационалистка.

То есть, та, кто сможет выжить в Лабиринте.

Лифт покормил и напоил их с похвальной стабильностью. Керк отметил, что сегодня шарики еды ещё даже крупнее, чем вчера. Он не удержался:

– Плохо.

– Что – плохо? Что шарики – крупнее обычного?

– Вот именно. Значит, и работать предстоит ещё больше.

И – «круче».

– Почему – «круче»?

– Потому что нам действительно предстоит встреча с неисчислимыми полчищами крыс. (Жаль, я не Гамельнский крысолов, да и дудочки никакой нет. Извиняюсь. В следующий раз непременно закажу...) Потому что то, что я вижу в центре зала – ранцевые армейские огнемёты. Значит, на нас явно полезет кто-то мелкий, многочисленный, и боящийся только огня. Скорее всего как раз – крысы.

– Я... Крыс не люблю. Это если мягко. Они... Омерзительные!

– Да нет. Если разобраться, крыса – существо уникальное. Чистоплотное. Всеядное. И очень смелое. Во всяком случае, когда речь идёт о его жизни. Бесспорно – хитрое и умное. Иначе чем объяснить, что даже человек, с его интеллектом и богатейшим арсеналом средств борьбы так и не смог вывести их из больших городов. Да и не больших.

Ну что? Испробуем железяки в действии?

– Испробуем.

– Да. Нужно научиться. – хоть энтузиазма в голосах не наблюдалось, зато не наблюдалось и желающих отсидеться в «комнате для ночёвки».

– Так. Хорошо. Надеваем на спину. Застёгиваем ремни понадёжней. Попрыгали. Прекрасно. Теперь слушайте внимательно: вот это – горелка. Щёлкаем вот этой штукой, как на зажигалке, поджигаем малую форсунку. Теперь. Чтоб струя напалма под давлением пошла из сопла, нужно... – он объяснял подробно и чётко. Благо, конструкцию знал по работе. И знал, что агрегаты бывают до чёртиков капризны. И ненадёжны.

Но надеялся, что уж те, что дали «зелёные», проверены. И всё с ними будет в порядке.

Крысы обнаружались в полутёмных и извилистых ходах новой части Лабиринта, куда они попали впервые. И хорошо, что зверьки попёрли на них не сразу, а дали вначале сориентироваться и рассмотреть то место, куда попали, иначе им пришлось бы куда хуже!

– Рахель! Левый коридор. Полина. Вон тот, крайний правый. Мне – вот эти два!

Поливать огнём в округлые лазы тоннелей метрового диаметра было нетрудно. Но вот терпеть омерзительный запах палёной шерсти, горелого мяса, и слушать истерично-пронзительный визг...

Керк вынужден был признать, что «воевать» вот так, в полутьме, и с «противником», обладавшим, похоже, лишь одним желанием – добраться до них и сожрать! – приятного мало. Это – мягко говоря, как любит выражаться Полина. Но – надо!

Иначе им не пройти в очередные четыре тоннеля, имеющиеся в очередной комнате-перекрёстке.

Примерно через десять минут напор крыс ослабел: то ли кончился запал храбрости, то ли иссяк запас «пушечного мяса». Керк, смутно припоминая, что читал уже про похожий сюжет, кажется, в каком-то фантастическом боевике – «Метро – 2033», что ли? – утирая пот с разгоряченного лба, сказал своим:

– Похоже, отбились. Предлагаю начать снова с первого слева.

– Не возражаю.

– Согласна. Пошли?

– Пошли. Только...

– Да?

– Держитесь позади меня. Шагах в десяти. И если что – не стреляйте! Раненных я уж сам... добыю. Чтоб нам не пожечь друг друга. Тоннель слишком тесный.

– Ага, понятно. Согласны. Пошли?

– Пошли.

Керк действительно вынужден был пару раз пускать впереди себя струи пламени, потому что вяло копошащийся

впереди клубок начинал как-то слишком активно шевелиться и щериться оскаленными остриями зубов. Однако это помогло лишь отчасти: минут через пять, когда пробка из отвратительно расплывающихся под ногами тел, вроде, кончилась, его укусили-таки за ступню.

– Ай! Чёрт!..

– Что? Что там?! – голоса женщин звучали гулко, как в бочке, да и идти приходилось согнувшись, чуть ли не на карачках.

– Да цапнули меня за ногу... Отойдите-ка снова назад: «продизенфицирую» тоннель.

Он отошёл на три шага назад, и начав с пола прямо перед собой, выпустил вперёд огненный факел, с удовлетворением констатировав, что визг быстро заглох, и наступившая тишина показалась успокаивающим бальзамом для сердца.

– Порядок. Теперь подождите ещё: попробую продизенфицировать... – он сунул место укуса в струю запала, и не удержался: заорал.

– Ну, как ощущения?

Он хотел сказать Рахель всё, что думает по поводу «ощущений», но понял, что та как всегда пытается «поднять им боевой дух» с помощью оптимистичного юмора.

– Идём. – наступать на укушенную и обожжённую ногу было больно. Но он молчал и только досадливо морщился: не до жиру, быть бы живу!

Примерно через ещё полчаса они пришли в очередную

комнату-перекрёсток. Здесь никого не было. Впрочем, не имелось и лотка и пипок.

– Блинн... Не угадали. Придётся возвращаться.

– Придётся. Но вначале я посмотрю на свою ногу. – Керк, последние несколько минут уже с трудом сдерживавший стоны, и начавший прихрамывать, опустился на пол, и обеими руками приблизил укушенную ступню к глазам.

Осмотр его никоим образом не устроил:

– Проклятье. Похоже на газовую гангрену.

– Как?! Но... Так быстро?! Ведь на заражение и гангрену нужно... По крайней мере несколько часов?!

– Так это там – дома. А здесь... Короче: быстрее назад, и в следующий тоннель! Нам нужно скорее найти выход, и вернуться таким образом в наш «предспальный» зал. Чтобы эффекты от очередной иллюзии рассеялись. Иначе я рискую остаться без ноги!

– Керк... – беспокойства в голосе не заметить было невозможно! – Ты и правда думаешь... Что это поможет?!

– Да. Да. Должен же человек, как ты говоришь, во что-то верить!..

На возвращение и поход в следующий тоннель ушло больше часа: к его концу Керка уже почти волокли на руках женщины. Керка тошнило, и температура поднялась так, что спутницы начали ругаться, причитать и плакать.

Это дело он пресёк, доходчиво объяснив им, что чем тра-

тить силы на истерики, лучше постараться сохранить ему жизнь, двигаясь, пусть молча – но быстрее!

На возвращение и поход в третий тоннель ушло ещё два часа. Керк уже не помнил, как это происходило: к концу похода почти отключился от боли и головокружения. Нога пылала адским пламенем, и тело ниже пояса не реагировало на попытки пошевелить хоть чем-то...

Мысль преследовала только одна: если в третьем зале не окажется выхода – ему конец!

Очнулся на полу, лёжа на спине. В глаза бил ослепительный привычный свет плафонов любимого «предлифтового» зала. Он застонал.

– Ну слава Богу! Очнулся! Наконец-то! – два голоса прозвучали почти одновременно. Он автоматически отметил, что в обеих – неподдельное облегчение.

Керк поморгал, попробовал сесть. Это удалось. Быстро придвинувшиеся к нему женщины поторопились помочь, он невольно ощутил радость от прикосновения их тёплых мягких тел. Рахель утёрла слёзы, Полина попыталась сквозь свои – улыбнуться:

– Вот блин! Сработал твой чёртов план! Стоило нам вернуться в этот зал, как пропали и огнемёты, и твоя рана! И нога снова стала из чёрно-синей – нормальной! Да и жара, – она потрогала рукой его лоб, – никакого больше нет. А то даже дотрагиваться было страшно!

– Да уж. Словно тащим не мужчину, а раскалённую голо-

вешку. Ещё и матерящуюся.

– Я... Матерился?!

– Да. И ещё... Признавался в любви.

– Что, правда?!

– Нет, конечно. Но если бы попризнавался, нам было бы приятно.

– Ну так я признаюсь! И ещё – хочу поблагодарить. Я – мальчик не слишком лёгкий, и волочить меня по полу, покрытому поджаренными крысами, наверное, было...

– Да уж. Вот именно. Ничего. Справились. Нам же очень хочется сохранить живым нашего мужа и в качестве мужа, и в качестве командира. Поэтому уж старались – не за страх, как говорится, а за совесть!..

– Вы... Молодцы. Я чертовски... – Керк от нахлынувших чувств не мог никак подобрать слов, чтоб в достаточной степени выразили его радость и благодарность, чувствовал, как подступившие вдруг слёзы заставили его замолчать! – Спасибо!

– Да ладно уж. Для себя же старались!

– Точно. А то кто бы нам рассказал сказку на ночь?

– И массаж сделал?

– И шикарный секс предоставил?

– Хватит, госпожа старшая жена. Идите лучше сюда! – он привлёк их к себе, сжал что было сил.

Слёзы так и брызнули из глаз!

Что удивительно, после этого у него на груди оказалось

две рыдающих в полный голос женщины, и он сам смог порыдать «вволю», иногда только прерываясь на то, чтоб рассмеяться: громко и счастливо.

Да, он именно – ощущал то, что зовётся счастьем, и не стыдился радоваться этому.

Они – живы.

И они – снова боевая команда!

А раз так – никто и ничто им не страшно!

Лифт исправно выдал им по шарикку. Но когда Керк начал пить воду, его порция оказалась явно больше, чем обычно.

– А-а, это, наверное, для восстановления потери крови и сил. – проворчала Рахель, когда он сказал об этом.

– Крови?

– Ну да. Ты бы посмотрел, какой в конце, уже перед самым выходом, за тобой тянулся кровавый след! А как там, ну, в ране, всё пузырилось! И нога распухла вдвое против обычного... Словом – тот ещё фильм-ужас! Хорошо, что только фильм...

– Да уж. Вот именно. И кто знает – не принеси вы меня в зал, может, кошмар стал бы явью. Вот и думаю сейчас: какой я идиот. Нужно было не париться, и просто жечь через каждые десять шагов!

– Ну, тогда бы пришлось ждать, когда остынут стены и пол... Но... В следующий раз разрешаем так и сделать.

– Согласен, Полина.

Они уже привычным движением «впрыгнули» в спальню, и Керк сходу прошёл и рухнул на кровать:

– Я с вашего разрешения всё же полежу немного. Что-то я... Обессилел.

– Ладно. Полежи, полежи... Но имей в виду: если не встанешь, когда мы домоемся, мы сами тебе переволочём в ванную. Нам тут грязный и пропотевший вонючон не нужен!

Спали в бешеном «отрубоне».

Керк, конечно, встал и вымылся сам, но слабость чувствовал жуткую.

Вот гады эти инопланетяне! Пусть всё это – только симулятор, но, похоже, он действует на подсознание, как гипноз! А в гипнозе так: если погружённому в транс говорят, что прижгут руку сигаретой, то даже если коснулись руки на самом деле – пёрышком, возникает ожог! Работа подсознания, будь оно неладно!..

Он не стал рассказывать о своих рассуждениях своим напарникам: зачем лишние слова?

Им достаточно было посмотреть, как он мгновенно «излечился», чтоб понять механизм действия суперсимулятора: рационалистки же!..

Да и хорошо: всё меньше ненужных рассусоливаний.

Вот и сейчас: нужно не корить себя за дурь, а спать. Чтоб набраться новых сил.

Он наконец провалился в спасительную темноту сна.

Спал без сновидений.

Утром проснулся сам: от еле слышного шёпота.

Ага – это жёны разговаривают. Его жёны. А приятно называть их так.

Он повернулся на бок, невольно закричал: занемевшее от долгого лежания в одной позе тело отдалось ломотой. Надо же. А он-то думал, что теперь всегда будет в отличной форме!.. Он спросил:

– Долго я спал?

– Долго. Мы уже часа три тут точим лясы, – Рахель хмыкнула, – Но мы рады. Выспавшийся ты куда лучше будешь соображать, да и действовать... С гарантией!

– Ну так!.. Учёный же теперь! И вообще, как говорили мои друзья, за одного битого двух небитых дают! – Керк невесело усмехнулся, переваливая ноги через край кровати. Сев, взъерошил жёсткий ёжик почерневших и чуть отросших волос:

– Ну что? Умываюсь, да двигаем?

– Да, Керк. Ждать да тянуть смысла нет.

– Согласен, Полина. Иду.

В ванной он довольно долго думал, почему ему не приходится бриться, а ещё – почему им не повесили на стене хотя бы маленького зеркала. Может, в зеркале что-то выглядело бы не так, как они видят, осматривая себя сами снаружи?

Интересная мысль. А, может, их, как вампиров, и прочую «нежить», в зеркалах не видно?..

Он отогнал эту мысль, как глупую. В том, что обе его напарницы-соратницы живы и вполне себе материальны, у него была возможность убедиться. Нет, исходить надо из предпосылки, что они-то вполне материальны... И не совсем и не всегда материальны лишь задания-полигоны, что им тут предоставляют.

Интересно, что это будет на этот раз?

– Я тут высказала предположение, что на этот раз это будет что-то интеллектуальное. – Рахель, стоило ему показаться на пороге ванной, сразу доказала, что они с Полиной если и не читают ещё его мысли, то уж параллельно думают – запросто!

Керк широко улыбнулся:

– Ох, твоими бы устами – да мёд пить! Как я хочу спокойной, в стерильных условиях, и чтоб никуда не бегать – интеллектуальной задачки!..

Спустя три часа он уже так не думал. А уж что при этом говорил!..

После традиционного завтрака, во время которого они убедились, что шарики и порция воды сегодня почему-то меньше, им и правда предоставили «интеллектуальную задачу». Посередине очередного белого зала без отверстий тоннелей, стояла странная конструкция. Больше всего она

Керку напомнила двойную схематичную звезду, что торчала раньше перед штаб-квартирой НАТО в Брюсселе. Только эта «радовала» глаз не суровым чёрным, а таким жизнерадостно-весёленьким салатным цветом.

Сделана конструкция в его рост была, как казалось на ощупь, из такого же пластика, что и стены, и гладкость призм и граней обманчиво приятно чувствовалась и пальцами, и остальными частями тела, когда они пробовали залезать на неё со всех сторон.

То, что это – какая-то головоломка, которую им предстоит не то – разобрать на составляющие, не то – трансформировать в какую-то другую форму, сомнений ни у кого из их команды не вызвало.

Вот только все их усилия «трансформировать» шестнадцатилучевую «чёртову хреновину», как высказалась спустя три часа пропотевшая насквозь и обозлённая – дальше некуда, Рахель, окончились полной неудачей. «Облом», как коротко охарактеризовала ситуацию Полина.

– Ну, облом – не облом, а что-то с этой штуковиной нам сделать так и так придётся, – Керк сам пропотел, в тщетных попытках вытащить одну из пирамидок вбок или вверх, – Потому что иначе рискуем просто остаться здесь, в этом миллом и уютном помещении, навсегда!

– Вот это-то меня и бесит сильнее всего! – Рахель присела на пол прямо под неподатливой «звездой», оперевшись об одну из граней спиной, – Хоть бы каких других развлечений

подбросили! А то от этой сволочной звезды меня уже тошнит! Да и пальцы я все постирала!..

– Плохо, что у нас нет никаких орудий. Вот, кстати, хотела спросить: Керк. Ты свои вставные челюсти куда дел?

– Блинн... Оставил там, в спальней комнате. – Керк постучал себя по лбу костяшками пальцев, затем с самым сокрушённым видом покачал головой, – Под матрацем. Но если честно, – он постарался принять самый серьёзный вид, – не думаю, что они нам как-нибудь помогли бы. Эти гады рассчитывают точно. И наш айкью, уж можете быть уверены, высчитали до сотых долей после запятой. Так что давайте. Шевелите извилинами.

– Не знаю, куда уж тут шевелить, – Полина однако снова залезла на верхушку звезды, – Если эта сволочь разбирается, и держится, как ты предположил, на одном трении, то мы можем, теоретически, найти места сочленения деталей, и разобрать. Но...

Но если эти гады всё сделали так, как делают обычно – то есть, скрупулёзно, аккуратно, и точно, боюсь, что даже если мы и заметим щели – а до сих пор нам этого не удалось! – такие детали мы всё равно не сможем выдернуть!

– Это ещё почему?

– Молекулярное сцепление. – Керк на это пояснение лишь кивнул: он сразу понял, о чём речь. И, если честно, такая мысль уже приходила в голову и ему, – Ну, я имею в виду, что если две *очень* хорошо отполированные детали плотно

сцепить друг с другом, их молекулы будут притягиваться настолько сильно, что их ...рен расцепишь! Поэтому во всяких там важных узлах и применяют смазку: разделить такие поверхности...

– Погоди-ка. Смазка, говоришь... Пусти-ка. Нет, лучше дай руку! – Рахель полезла тоже наверх, и принялась рассматривать места не то – соединения, не то – взаимопроникновения странных призм-пирамидок, – Керк, залезай тоже!

– Не иначе, ты что-то придумала! – от скепсиса в голос Керк не удержался: подпустил. Но залез, как ему было предложено, сразу.

– Ага. Вот: смотри – подходящая граница! Тут эти дурацкие хреновины явно соединены. Вот с этой и начнём. Давай.

– Чего – давать-то?!

– Чего-чего... Собирай, говорю, пот. С лица и тела. И капай его вот сюда!

Керк поразился: какая простая мысль! И как это он сам... Хм-м...

Может ведь и сработать!

Они минут пять тщательно «увлажняли» границу между предположительно вынимаемой пирамидкой и остальной поверхностью звезды. После чего Керку пришлось слезть, и попинать и потолкать противоположную сторону обрабатываемого фрагмента.

Когда слезла и присоединилась к нему и Рахель, их усилия вдруг оказались вознаграждены: Полина, помогавшая трясти

и толкать сверху, заорала:

– Да! Сдвинулось! Чтоб мне провалиться – сдвинулось!

Керк залез снова наверх:

– Она права. Я вижу щель. Буквально – волосяную, но – щель! Рахель. – Керк уже собирал влагу с лица ладонями, и тщательно целился каплями в открывшуюся черноту ниточки разъёма, – Ты у нас самая «потопроизводительная». Особенно после толкания и пинания. Залезай: покапаем ещё!..

Сдвинуть обработанный «смазкой» луч звезды вниз оказалось гораздо легче, чем выпихнуть наверх, как они только что пытались. Рахель, толкнув ногой окончательно вывалившийся фрагмент, гордо взглянула на помощников:

– Учитесь, пока я жива! А то вы тут и до второго пришествия толкали бы и пихали!

– Ага. Точно. Это нам повезло с тобой. Раз так – сегодня и секс начинаем с тебя! Как бы в ознаменование нашей безмерной благода... – Полина замолчала, так как старшая жена невежливо пихнула её в бок остреньким локотком.

Керк не придумал ничего умнее, как заржать.

Рахель вздохнула:

– И с этими идиотами мне приходится работать! О-ох!.. Ладно уж, беру первый натиск нашего мужа на себя!

– Э, дамы, дамы!.. Вы ничего не забыли? Нам ещё эту хреновину нужно доразобрать!

– А, ерунда! Покапаем пота вон туда и вон туда – и всё

будет в порядке. С этими объёмными головоломками всегда так: труднее всего обычно бывает вынуть только первую деталь! Остальные пойдут... Как по маслу.

Рахель оказалась права: на разъём и окончательное разрушение структуры звезды ушло не более пятнадцати минут: вскоре все лучи и призмы, составлявшие её, оказались уложены аккуратно, в ряд: в той очерёдности, в которой их отделили от целого.

– Надеюсь, нас не заставят собирать её обратно? – если беспокойство в голосе Рахель и было деланным, Керк этого не уловил. Очень даже конкретное беспокойство. Хотя сам-то как раз считал, что не заставят.

– Собирать – вряд ли. Но что-то ещё сделать явно надо: дверь же не открылась!

– Согласен, Полина. Но вот – что?

– Сама в раздумьях. Ума не приложу, какого ... этим придуркам от нас ещё надо.

– Может, мы должны сообщить о том, что закончили?

– А мы точно – закончили?

– Хм-м... Сейчас глянем.

Они ещё раз придирчиво и внимательно осмотрели составляющие головоломки. Керк, видевший отлично только совсем уж с близкого расстояния, хотя зрение уже практически восстановилось до минус одного, подумал, что вот эта деталь, пожалуй...

– Рахель, подойди. Ты всё ещё в поту. Покапай вот сюда и сюда.

И точно. Спустя две минуты интенсивного пинания и колочения о поверхность пола, и ожесточённой игры в «кто кого перетянет», чёртова штуковина разнялась на две составляющие: и как это они не догадались раньше, что она составная! Керк, когда вторая деталь вдруг с чмоканьем выскочила, треснулся затылком о пол, поскольку тянул что было сил, пока женщины удерживали основание. Он же и первым обнаружил, что их усилия пропали не даром:

– Ф-фу... Порядок. Чёртова дверь открылась!

– Хорошо. Пошли скорее, пить охота – сил нет.

– Ну тыть!.. Ты столько сил и смазки потратила!.. Даже похудела – прямо очаровательная газель. Килограмм семидесяти.

– Молчи, несчастная! Иначе мужа в ближайшие три дня не увидишь: буду отгонять тебя веником!

Лифт честно выдал им по литру воды, хотя Керк в этом больше особого смысла не видел: когда им хотелось пить, они теперь просто пили прямо из-под крана холодной воды. С другой стороны, разные микроэлементы и соли, и всякие омолаживающие энзимы могли до сих пор подаваться именно так. Поэтому действовали традиционно: «выдаивали» всё до капли.

В комнате и правда вначале отлёживались минут двадцать

на постели: устали хуже, чем на «сафари» с динозаврами.

Рахель проворчала:

– Если такими будут и остальные «интеллектуальные» задачи – я – пас! Пусть лучше дают ещё тварюг – пострелять! Я согласна даже на крокодилов. Или птеродактилей. Кстати, вот, хорошо, что вспомнила. Керк. Проверь-ка: на месте твоя челюсть?

Керк запустил руку под матрац, представлявший собой банальный кусок чего-то вроде поролона, обтянутого гибким пластиком:

– Нет. Чёрт возьми. И здесь нет.

– Ну значит, мои подозрения оправдались.

– Какие именно?

– Ну, те, которые говорили мне, что мы не возвращаемся каждый раз в одну и ту же комнату. А попадаем в разные. Просто они, наверное, очень одинаковые. Но находятся на... Как бы разных Уровнях. Уровнях сложности.

– Да, такая мысль и мне в голову приходила, – Керк покряхтел, укладываясь поудобней. – Но тогда получается, что этот Лабиринт очень... Здоровый. Огромный. Я исходил из принципа наименьших затрат. То есть – лифт – универсальное транспортное средство, и подвозит нас каждый раз, именно, как ты говоришь – к разным Уровням. Вернее, это я раньше так думал. Пока мы все не убедились, что большая комната за лифтом – просто лаборатория с суперсимулятором. И на самом деле мы никуда не попадаем – ни на какие

Уровни.

– А я как раз в этом не уверена, – Полина нахмурила чётко очерченные смоляные брови, – симулятор-симулятором, а вот то, что чёртова звезда была настоящей, я абсолютно уверена!

– Это почему же?

– Вот. – женщина торжественно развернула к ним запястье правой руки, – Я оцарапалась. И эта хрень и не подумала пропасть, когда мы попали: что в дверь лифта, что – сюда!

Керк нахмурился: действительно, покрасневшая ранка длиной в пару дюймов с уже подсохшей корочкой струпа, красовалась, никуда не исчезая.

Он поднял голову к потолку, тон сделал испуганный:

– Э-э, уважаемые! Если не обработать эту рану, она может загноиться! Не знаю, как там это организовано у вас, инопланетных, но у нас, землян, внутри каждого организма есть куча вредоносных тварюшек – называются микробы и бактерии. А тех микробов, что живут снаружи, допускать внутрь, в наше тело нельзя – это называется заражение крови! Если дать таким гадам возможность – они сожрут руку, а затем и всю бедную девушку! Быстро нам в ванную комнату – мазь типа Левомиколя!

Рахель, поджав губы и сопя, встала и проследовала в ванную. Донёсся крик:

– Твою ж мать!.. Есть!

Когда женщина вышла из комнатки, в руке её действительно имелся тубик. И написано на нём действительно было: «Левомиколь».

Керк снова поднял голову к потолку:

– Спасибо! Уважаю! – и даже показал потолку большой палец.

После чего они с Полиной прошли в ванную.

Там он, пока женщина шипела и морщилась, обмыл руку, и удалил свежееобразовавшуюся корку на ране. Затем выдавил сукровицу и уже появившийся гной. После чего щедро наложил мази, и полез в настенный, неизвестно откуда взявшийся, шкафчик.

– Чего ты там собираешься найти?

– Как – чего? Вату, мицеллярную бумагу, и бинт!

Разумеется, всё это там и нашлось.

Полина только головой покачала. Керк же довольно ухмылялся себе в усы.

Полина проворчала:

– Доволен, небось?

– С чего бы это? – он уже знал, что она скажет.

– Как – с чего? С того, что сегодня ты – в безраздельном пользовании старшей жены!

– Ну что ты, милая! Как ты можешь так говорить! Пусть она и старшая, но ты-то – любимая!

– Свинья! – ему дали тумака.

Керк отметил, что мышцы-то у его напарниц накачались

до такой степени, что только уж очень наивный мог бы принять этот тумак и правда – за шуточный!

Неужели его младшая всё-таки ревнует?!

Он поспешил попытаться выправить ситуацию:

– Если это не против твоих принципов... И не против принципов Рахель, (я спрошу у неё!) ничего не имею и против группового варианта! Надумаешь – присоединяйся.

Рахель ничего не имела против «группового варианта». Она обозначила это так: «А чего нам терять-то?! Уж пользоваться молодостью – так пользоваться!»

И Керку пришлось постараться, чтоб не ударить в грязь лицом.

Он ласкал, массажировал, а затем и работал, не покладая тех органов тела, восстановлением функций которых особенно дорожил и гордился. Собственно, он никогда не скромничал ложно на свой счёт: он старался не только сейчас, но и тогда – в «прошлой» жизни. Когда женщины не то, чтобы кидались ему на шею буквально пучками... Но и не пренебрегали им.

Вначале он действительно занимался исключительно Рахелью. Когда к нему присоединилась Полина, Рахель было чуть напряглась – но не от неожиданности, а, скорее, от непривычности ситуации. Но спустя пару минут их совместных усилий замычала, а затем выдохнула и расслабилась – словно растеклась по матрасу: решила «отдаться» на ми-

лость победителей.

Керк массировал и целовал нежные бёдра, губами лаская кошечку, и мягко проникая языком туда, куда мог дотянуться, Полина взяла на себя губы и грудь: соски Рахель набухли и отвердели до такой степени, что Керку казались сделанными из стали! Он навалился на женщину и уверенно вошёл, потому что почуял всем нутром – пора!

Такого оргазма у его старшей жены ещё никогда не было! Его буквально сбросило с ходившего под ним ходуном тела, и Рахель содрогалась в экстазе ещё долго после того, как его красноголовый воин покинул её лоно. Наконец женщина, так и не открывшая глаз, глубоко выдохнула и засопела.

Керк присмотрелся: Рахель действительно отключилась.

– Ну всё, дорогой. Теперь тебе не отвертеться!

Керк отодвинулся чуть дальше, чтоб не задевать ту, что уже не могла участвовать в «групповых» игрищах. Тотчас верхом на нем оказалась прелестная наездница: руки Керка ощутили точённую упругую талию, как бы сами сомкнувшись на ней! М-м-м...

А возбуждает!

Впрочем, уж Полина-то знает, как именно его раскошегарить по-полной!..

Спустя несколько минут застонавшая, замотавшая головой со стиснутыми зубами, и изогнувшаяся так, что он всерьёз стал опасаться, не отвалится ли её миниатюрная головка, женщина тоже забилась в судорогах.

Когда они затихли, опустилась ему на грудь:

– Похотливая скотина!.. Иной раз я и правда думаю, что ты сам всё это «шоу» затеял! Чтобы потешить свой ...! Да и нам, раз уж на то пошло, сделать приятное... Только вот... Как ты умудрился узнать, что именно *у нас* всё будет так... так...

– Хорошо. – он закончил за партнёршу, прижав ту покрепче, и стараясь расслабить мускулы торса.

Полина, опустившая ноги вдоль его тела, действительно поёрзала, словно устраиваясь на жёстком матрасе, и положила головку ему на грудь. Пальчиком она водила теперь по его бицепсу, обрисовывая контур немаленьких мышц:

– Ну скажи, что всё-таки меня ты любишь больше!..

Керк поспешил уверить, что так оно, конечно, и есть, не забывая краешком глаза коситься на повернувшуюся на бок, так, что им теперь видна была только плотная широкая спина, и мирно сопящую, Рахель.

Показалось ему, или та действительно чуть дёрнула плечиком?!..

Утром рука Полины выглядела как новенькая. Ну, вернее, почти как новенькая: только тоненький волосяной шрам остался от припухлости и гноящегося разреза. Керк хмыкнул. Потом бросил размотанный бинт и всё остальное в угол:

– Спасибо за лечение. И – извините, уважаемые господа. Вы же не поставили нам урну для мусора!

Они с Рахель переглянулись. Женщина кивнула ему. Он пошёл в ванну. Затем туда прошла Рахель. Полина всё это время лежала, отвернувшись к дальней от проёма стене.

Они вернулись в комнату.

Керк потопал ногой по полу. Рахель поцокала губами.

Полина, так и не повернув к ним лица, заявила:

– Никуда сегодня не пойду. Пусть мне подадут мой шарик прямо сюда, в постель.

Керк почесал в затылке. Ему не хотелось говорить в десятый раз, что они не в том положении, чтоб капризничать, выдрючиваться, и т.п. Не видел он смысла и в очередной раз призывать быть сплочённой командой: зачем призывать, если они и так – команда?

Проблему решила Рахель:

– О, мой многоуважаемый господин. Посмотрите: ставлю вас перед фактом: младшая жена подзалетела, и теперь пытается действовать с позиции силы!

Полина, резко развернувшись, вспыхнула:

– Ничего я не подзалетела! Да и как бы это я узнала, что подзалетела, если у нас нет никаких пробников... Да и сексом мы начали заниматься только где-то с неделю?!

– Тогда к чему эти капризы и выдрючоны?

– Ну... Я вот подумала: что если нам попытаться действительно оставить кого-то здесь, а двое попробуют пройти очередную фиговину, да и вернуться сюда?

– Полина, – Керк говорил спокойно, хотя сам этого спо-

койствия не ощущал: неужели их такой сплочённый и эффективно действующий коллективный механизм начал разваливаться?! – Мы же вчера практически подтвердили, что мы – не возвращаемся. Комнаты для отдыха каждый раз новые. И если разделимся – то уж навсегда! Или... Я вам, – от волнения он снова перешёл на «вы», – уважаемая, не нравлюсь? И вы хотите чтоб я стал... моногамным самцом?

Полина взъерошила шикарную шевелюру на голове:

– Ну уж ...! Про моногамию забудьте, дорогой «господин»! Младшие любимые жёны так просто на милость победительниц не сдаются! Сейчас пойду умоюсь.

И не вздумайте соваться в лифт без меня!

Когда женщина, выглядевшая, как отметил Керк, уже не больше чем на тридцать лет, скрылась в ванной, он переглянулся с Рахель. Та буркнула:

– Бунт на корабле. Правда, не думаю, что это по вредности или дури.

– А почему тогда?

– Гормоны. Похоже, у Полины-то – ПМС...

– С чего ты взяла?!

– По себе сужу. Соски отвердели, низ живота тянет. И тебя хочется: не то – удушить, не то – зацеловать до смерти. Ньюську этакое. Сволоча.

Керк выпучил глаза:

– Чтоб мне провалиться!.. И как это я сам... Ну правильно: раз у меня климакс отработал назад, то и у вас должен. А

раз так – яйцеклетки снова там, – он показал рукой на живот Рахель, – внутри!

– Должна признаться, не ждала такого. Чуда.

– Верно. Это – чудо. Но... – он потрясённо заткнулся было, но решил уж довысказаться:

– Если это и правда так, то всё ещё хуже, чем я себе представлял.

– Это почему?

– Ну как же! Тогда нам действительно предстоят опыты по размножению!

И что будут делать с нашим потомством, если мы и правда его родим – даже трудно себе представить! Мы... Как мы сможем защитить его от... – он не договорил, но показал глазами на потолок, и Рахель кивнула: сама отлично всё поняла!

– Согласна. Никак. Но только... Думаю, воспитывать это поколение, если мы действительно его родим, придётся всё-таки нам. Эти же гады – хитрые. Самое тяжёлое – куда там... реновым тестам! – это как раз вот *это*!

Воспитание и обеспечение всем нужным – детей!

Ответ Керка предотвратило появление из ванны Полины:

– Ладно, садисты-издеватели. Я готова тащиться дальше!

В комнате за лифтом их ждал очередной сюрприз: сапоги до колен!

И – всё!

Керк убрал руку от затылка, постаравшись выглядеть по-

умнее:

– Понятно. Ни стрельба, ни какой другой способ уничтожения врагов не предусмотрен. Нам нужно будет просто пройти мимо них, а вот эта толстая кожа по-идее должна защитить нас. От укусов.

– А почему ты думаешь, что именно – от укусов?

– Ну как же! Иначе нам не дали бы ничего. А так – мы защищены. От врагов, явно ползающих по земле, не имеющих крыльев, но зато оснащенных, если мне позволят так выразиться, мощными приспособлениями для кусания!

– Клещи, что ли?

– Вряд ли. Те слишком малоподвижны, и не создали бы нам нужной «остроты ощущений». А так – думаю, нам предстоит побегать, и побегать быстро.

Вероятно, это будут муравьи.

Могу со всех ответственностью заявить – это опасные ребята. У них имеется и химическое оружие: муравьиная кислота, которую они обожают разбрызгивать из брюшка в глаза жертве, и огромные сильные жвала. Способные прокусить даже кожу подошв.

Шнуруйте надёжней сейчас. Там, похоже, для этого возможности не будет.

Он угадал.

Но от этого не почувствовал никакого удовлетворения: едва они попали снова на поверхность – на этот раз на подо-

бие пустыни, с настоящими барханами и чахлыми кустиками саксаула! – за ними устремилась в погоню огромная стая муравьёв!

– Мы для них – желанная добыча! – Керк бежал не слишком быстро, подстраиваясь под скорость Рахель, самой среди них медленной, – И если не сможем выдерживать такую, крейсерскую, скорость достаточно долго, нас рано или поздно настигнут. И – «мементо мори»!

– Проклятые... х-х... твари! – Рахель уже не оглядывалась поминутно, предоставив это тому, кто бежал быстрее, и мог себе позволить тратить лишние силы, – Я так долго... реально не выдержу! Х-х!..

– И я!

– И я! Но должен вам сказать, милые дамы, что смерть от расчленения на полтора миллиона кусочков – крайне болезненная штука!

– А... почему... х-х... на полтора... миллиона?

– Не знаю. Просто – так придумал. Сам. Чтоб придать вам бодрости духа!

На него взглянули так, что Керк подумал, что если их и не догонят чёртовы упёртые преследователи, то там, «дома», его уж точно сегодня ненаказанным не оставят!

– А... Что это... за муравьи?..

– Похоже, марабунта. Странствующие муравьи. Отличаются огромным (Ну, сравнительно!) размером, фанатичной упёртостью в преследовании, и крайне свирепым характе-

ром!

– А... х-х... почему?!

– Ну, во-первых – они странствуют. – он тоже задышался, и старался говорить фразами покороче, – То есть – их кормовая территория всё время меняется. Поэтому они заинтересованы в *любой* добыче. Которая окажется в пределах досягаемости. Им же – кормить прожорливую матку... И всех чёртовых личинок... – Керк, уливаясь потом на полуденном солнце, которое упрямо торчало прямо в зените, и не думая сдвигаться оттуда ни на миллиметр, думал, что проклятые устроители точно знают, что делают: похоже, их прибавившихся сил только-только должно хватить! – А во-вторых...

– Н-ну?!..

– А во-вторых они все – воины! Здесь, в колонне, догоняющей нас, нет ни «нянек», ни «рабочих», ни строителей. Только воины!

– Ты откуда... х-х... так хорошо знаешь эту... как её... Мирмекологию?!

– Да не знаю я её... Когда у нас в зданиях под снос находились муравьи, мы их просто... травили инсектицидами. А про марабунта смотрел какой-то фильм. Фантастика. По моему, так и назывался: марабунта.

– Э-эх... Нам бы... Инсектицидов...

– Поберегите дыхание. Если мы правильно бежим, нам ещё с полчаса пилить.

Полчаса растянулись на добрых полтора. Но наконец

они прибежали куда надо: высокое здание, вернее, его каркас-скелет, где только несущие балки показывали, каким было обширное строение, оказалось прямо перед ними. Но снизу уже не было видно огромного флага, который и послужил им ориентиром, возникнув прямо перед глазами на горизонте, когда они «прибыли», и не сверкало что-то, похожее на огромный отражатель.

К этим ориентирам они и бежали, логично посчитав, что раз в бесконечности блекло-жёлтых песков вокруг больше ничего нет, то и нужно добраться именно туда – к руинам того, что осталось от неведомо как и когда сгинувшей с этой планеты цивилизации.

Про то, что они по-прежнему на земле, не заикалась уже даже всегда оптимистично-бодрая Полина.

– Чёрт. Мы... не оторвались!

– Нет. Но, думаю, сейчас оторвёмся. Потому что переться придётся наверняка на последний этаж!

– Скотина. Хоть бы раз что-нибудь... х-х... ободряющее сказал! Муж называется! – Полина на него снова так посмотрела, что Керк даже поёжился.

Рахель же... Выглядела плохо. Лицо пошло серыми пятнами, пот снова покрывал всё тело, и одышка чуть ли не выворачивала лёгкие женщины наизнанку.

– Ладно, разборки, и наказание меня, поганца чурбанообразного, побережём до возвращения. Благополучного. А сейчас надо вот именно – вернуться. Ну-ка, хватай нашу лю-

бимую старшую жену с той стороны, и поперлись! Вон – лестница!

– Старшую! Сказал бы – старую! Вон, смотри: она и дышит... Как загнанная кляча: с сапом и присвистом! Может, бросим её здесь, на растерзание?

Вдруг тогда эти гады отстанут?

Рахель, у которой, похоже, действительно ушли все силы, и которая сейчас стояла, упёршись кистями в колени, и действительно с хрипом дышала, даже не подняла головы, не говоря уж о том, чтоб достойно оценить и ответить на «тупой солдафонский юмор», как она обычно обозначала манеру младшей жены шутить.

– Так. Раз она не может достойно огрызнуться, это сделаю я.

ПОЛИНА, ... твою мать!!! Если не хочешь навсегда остаться без приятного расслабляющего массажа, повышающего иммунитет секса, да и просто: без мужа – ну-ка, быстро хватай!!!..

Переть массивную женщину на восемнадцатый этаж оказалось ещё трудней, чем бежать по вязкому песку. Керк взмок, как мышь, так, что рука Рахель постоянно норовила выскользнуть из захвата, и даже сил ругаться уже не осталось. Проклятые марабунта, вместо того, чтоб отстать, как он надеялся, на лестницах, двигались по ним словно даже быстрее!

На площадке восьмого этажа им пришлось сделать пере-

дышку: у Полины, что бы там она ни говорила, и как бы не прикалывалась, от усилий на шее и лбу вздулись вены, и она просто рухнула под тяжестью Рахель на колени, застонав! Хорошо хоть сознание, как всерьёз опасался Керк, не потеряла!

Но даже и так Керк подумал, что приехали.

Обеих ему не донести!

Но надо же что-то делать!

Он метнулся к пролёту, и двинулся вниз, работая что было сил подошвами: под тяжёлыми сапогами тельца проклятых тварей приятно для слуха похрустывали, и ему удалось попередать отряд первых, наиболее шустрых, преследователей!

Жутко завоняло муравьиной кислотой – словно попал в химилабораторию...

На краешке сознания сверкнула мысль, что это настоящее счастье – что их преследователи идут только по следу, не догадавшись пока, что можно лезть прямо по колоннам, напрямую, чтоб отрезать их от возможного пути спасения!

Или твари надеются, что им и так не уйти?..

Однако передышка оказалась недолгой: снизу уже лились настоящей рекой чёрные валы, высотой ему по щиколотку, из более крупных и тяжёлых насекомых: длина телец, как ему показалось, достигала размера большого пальца!

И точно: его самые худшие подозрения оказались верны! Этих раздавить, просто топча, почти не удавалось: только

подпрыгивая, и обрушиваясь с высоты десятка дюймов, он мог добиться привычного для уха хруста!

Однако пока он прыгал, ругаясь и шипя про себя, чтоб не расходовать дыхание и силы зря, несколько отрядов обошло его с флангов – по колоннам и поперечным балкам! И он, чтоб не оказаться отрезанным, отступил: назад, к своим женщинам.

Но пара наиболее шустрых муравьёв всё-таки допрыгнула до него с перекрытий каркаса, куда они каким-то образом успели забраться.

Керк оказался прав: боль от укусов оказалась чудовищной: словно руку и плечо обдали кипятком! Удовольствия от своей правоты он не почувствовал: с диким криком оторвав с кусками своей плоти вцепившихся тварей, он отбросил их прочь, продолжая отступать, и прыгать по скользким чёрным панцирям. Заорал:

– Хватит разлёживаться! Если не убежим – отдыхать придётся вечно!

Причём – в аду!!!

Подействовал ли его окрик, или женщин устрасил вид кровоточащих дыр с обрывками плоти в его теле, но возражений типа, что «сил нет!», или «ноги не шевелятся!», не последовало, и они тем же порядком ломанули по следующему пролёту.

Каким чудом им удалось преодолеть остальные десять этажей, Керк не знал: к концу марафона он почти ничего не

видел из-за пота, заливавшего глаза, и чёрного тумана, взявшегося откуда-то в пустоте перекрытий... В уши что-то надсадно бухало, дыхание, казалось, огненными потоками обжигало лёгкие, и ноги конкретно заплетались – теперь-то он отлично понимал, что означает это образное выражение!..

Помнил он только, как Полина заорала: «Да!!! Наконец-то!!! Сюда!», и дотащил себя и какую-то многотонную махину на своём плече до какого-то очерченного круга...

После чего вселенная вокруг него разомкнула объятия, и он куда-то провалился.

– Ну, порядок, что ли? – чей это такой настороженно-сердитый голос?

А-а, это Рахель.

Погоди-ка, а кто такая эта... Рахель? Откуда он это имя...

О! Старшая жена! А ещё у него есть где-то здесь и любимая...

Так. Порядок. Он вспомнил.

Открыл глаза: ага, вот они обе! Живы, и, судя по виду, целы.

Но отчаяния и страха в глазах не заметил бы только слепой. А почему...

А-а, вот они и заулыбались!

– Ну ты и скотина! Мы уж боялись, ты отправился назад – на старую землю!

Он хмыкнул, снова прикрыв опухшие глаза, и ловя себя

на том, что улыбаётся, как последний идиот:

– Нет уж, милые мои, – попытка «сладко» потянуться, впрочем, кончилась куда хуже: он сразу скривился и невольно застонал: все мышцы лица, да и всего остального тела жутко болели! – Так просто вам от моих сексуальных домогательств не отвертеться!

– Смотри, – Рахель обратилась к Полине, – Пытается шутить. Значит, не так плохо, как мы боялись, – и, уже к Керку, – ...рен тебе с маслом – секс! Теперь тебе надо хотя бы пару дней отлежаться! Ну, или пару целебных шариков сожрать... Давай, поднимайся: пора в любимый лифт!

– Ага, иду. – он перевернулся на бок, подтянул колени к груди. Нет, всё, вроде цело: даже дырки в плече и руке исчезли. Вот и хорошо: не придётся их мазать левомиколем! Да и опухоль глаз исчезала, словно снег под лучами майского солнца...

– Идёт он... Скажи лучше: не «иду», а – ползу!

– А ты вообще помалкивай, младшая. Думаешь, я не помню, как ты предлагала меня бросить на съедение?!

– Ну, это было в порыве отчаяния! – деланного раскаяния в голосе не заметил бы только лифт. (Впрочем, может, как раз он-то всё и замечает!) – А кроме того, тебя-то им хватило бы надолго!

– Блинн... Я всегда говорила, что вот нет в тебе уважения к солидным женщинам, всю жизнь проработавших старшими, а затем и ведущими, бухгалтерами крупнейшей компа-

нии... А сейчас руководящей пусть маленьким, но сплочённым коллективом идиотов, ищущих себе на ...опу приключений в хреновом Лабиринте.

– Может, ты ещё и всю нашу отчётность подготовишь к окончанию финансового полугодия?

– И подготовлю. Вот: дебет: одна дура, мнящая себя юмористкой. (Правда, с неплохой фигурой. Этого не отнять.) И один раздолбай, мнящий себя ...барем-террористом, и сейчас находящийся из-за этого в нерабочем состоянии... Подлежат списанию? Впрочем, нет: капитальный ремонт с помощью секса ещё возможен.

Вставай давай, иначе придётся начать чинить-ласкать тебя прямо здесь!

Керк, молча посмеивавшийся себе в усы во время очередной шутилкой перепалки, ставшей чем-то вроде традиции, подумал, что и правда – они, эти перепалки, стали чем-то привычным. Родным. И раз его женщины снова способны шутить, всё – в порядке!

И слава Богу! Он уж и не представлял себе своей жизни без них.

И, если быть честным – хотя бы с самим собой! – и жизнь бы за них отдал.

Вот так, просто и буднично: влюбился, как юный баран!.. Да ещё и в двоих!

После привычно спокойного и вдумчивого приёма пищи

и воды, Керк позволил затащить себя в ванну.

Тут его долго и бережно намыливали, утешая шутками и приколами, типа того, что «до свадьбы всё заживёт», и что «пить надо поменьше – а то пот воняет спиртом!».

Он помалкивал, и даже улыбку удерживал внутри: старательно делал вид, что окончательно расслабился и обессилен.

Дамы, убедившись, что собеседник он никакой, перетащили его на постель, после чего вернулись в ванну, и явно занялись друг другом: до него донеслись сдерживаемые и скромные вначале, а затем всё более откровенные и громкие «А-ах-ахх!!!» и «О-о-о, да! Да! ДА-А-А!!!..» Недвусмысленно сладострастные вздохи и стоны, а затем и крики восторга сказали Керку, что не мужчиной единым могут довольствоваться женщины.

Он, кряхтя, и держась за спину, проковылял к дверному проёму, и заглянул.

Обе паршивки стояли в ванной, подбоченясь (Рахель), и поставив точёную ножку на борт ванны (Полина), и, обратив лицо ко входу, стенали и вздыхали что было сил.

Рахель прокомментировала:

– Я же сказала: больше двух минут он не выдержит.

– Точно. Ох уж эти мужчины. Всё бы им подглядывать за нами, бедняжками!

– Ага. Бедняжки. – Керк, понимая, что ему хотели просто «прибавить бодрости духа», не сердился, как пытался было

показать: его душил смех, – Я отлично понял, что вы все бедняжки, когда одна из моих бывших окно в ванной комнате закрасила как раз до того места, с которого её ванну было видно всем пяти этажам дома напротив.

– Ага. Всё ясно. Стало быть, ты жил в доме напротив?

– Точно. Да и остальные её три бойфренда попались на крючок именно таким образом... А вообще-то я хотел сказать: спасибо Полина. Что затащила нас обеих в круг.

– Да ладно. Чего не сделаешь для любимого мужа. И старшего экономиста.

Локоть Рахель снова дёрнулся, Полина ойкнула. Потом сердито шлёпнула Рахель ладонью по широкой оконечности спины:

– Бессовестная! Больно же! У меня на рёбрах нет такой жировой прослойки, как у некоторых!

– У меня нет ни грамма лишнего жира! И вообще я удивлена, чего наш муж находит в такой селёдке? Подкормить бы тебя. Да научить основам бухгалтерского учёта...

– Хватит прикалываться, очаровашечки мои. Долго ещё мне придётся ждать тёплых тел, что согреют и успокоят моё... э-э... сильно помятое и уставшее тело?

– Нет. Сейчас домываемся и идём.

Словно в подтверждение, они начали демонстративно изгибать тела, принимая позы: ну прямо одна пикантней другой, и намыливать друг друга – Керк отметил проходя, что откуда-то словно сама собой взялась вторая мочалка!

На него «девочки» поглядывали томно и хитро.

Керк обнаружил, что усталость мышц и ломота в теле как-то незаметно... рассосались! А то, чему полагалось отдыхать, уже вовсе отдыхать не намерено, воспрянув к жизни. И деятельности.

Сопя и вождедея, он направился к ванне.

Дамы с деланно страстными, но от этого не менее соблазнительными эротическими стонами и причмокиваниями раскрыли объятия...

Через час он начал подумывать, что лучше бы достался на растерзание марабунта!

Утром он еле разлепил опухшие глаза, и удивился: женщин в комнате не было!

– Эй! Жёны! Старшая и любимая! Вы... где?

– Здесь мы, здесь. – на пороге ванной появились его женщины, – Ох уж эти мужчины! Ни минуты не дадут поговорить спокойно!

– Ого! Вам уже нужно... Говорить! Нашли здесь третью женщину, что ли, и теперь обсуждаете её?!

– Тьфу ты! Вот она: мужская логика! Если две женщины о чём-то секретничают, так значит – обязательно перемывают кости третьей?!

– Ну... Да! Или...

– Вот именно. Давай остановимся на этом варианте. И больше не будем *это* обсуждать. – Рахель посмотрела так,

что Керк понял: обсуждать они из *этого* ничего больше не будут!

И тысяча вопросов, вертящихся сейчас в голове, и восклицаний, рвущихся на язык, останется пока без ответа.

Но он и сам не дурак: не даром же вопрос об опытах по «размножению», пусть в виде шутки, но висел в подсознании постоянно.

Другое дело, что *настолько* быстро ни одна из них, если б подзалетела, не узнала бы об этом!

Поэтому остаётся ждать, и надеяться.

На лучшее.

В комнате за лифтом сегодня обнаружилась странная вещь: три полных комплекта камуфляжно-защитной формы, три АК, гора запасных обойм, десятков гранат. (Керк отметил, что гранаты – наступательные. То есть – рассчитанные на действие не осколками, а – в основном – детонацией!) Разумеется, имелось и три подсумка, и три штык-ножа, и даже сапожный крем. (Проклятье! Не иначе придётся изображать коммандос!)

Ругаясь про себя, он принялся объяснять, как и что работает.

Терзаемый самыми нехорошими предчувствиями, закончил, и даже заставил Полину – Рахель всё умела давно! – пройти всё в «работе» пять раз – ну, кроме взрывания гранат, разумеется! И стрелять его «любимая» жена научились

неплохо: хоть стену и не повредила, (а их, кажется, ничто и не могло повредить!) зато следы трассирующих попадали именно туда, куда он хотел.

– Ладно, бессмысленно тратить боеприпасы вхолостую. Внимание, любимые.

Даю вводную, ставлю задачу. Сейчас мы попадём в какой-то мир, где нам предложат встретиться с более серьёзным, и *мыслящим*, противником. Гораздо более опасным, чем куры-переростки с мозгом с горошину. (Иначе нам не предоставили бы маскирующую одежду!)

Приказываю: не открывать стрельбы без команды.

И, самое главное: возможно, это – очередная проверка нашей... Толерантности. Гуманности. Способности договориться мирным способом с *другими*. Потому что не поручь, что наши противники окажутся...

Гуманоидами.

Выпустив ещё одну очередь в сторону оконного проёма, Керк перекатился под прикрытием жалких остатков стены, и оказался за старой крышкой. Не слишком-то надёжная защита, пусть этот монстр и от какого-то гигантского колёсного агрегата, типа погрузчика «Комацу». Зато – куда ближе к врагу!

Он заорал:

– Прикройте!

Две тут же полившиеся справа и слева очереди дали по-

нять, что с позициями и с патронами у тех, кто выполнил его команду, всё в порядке. Керк, успевший сменить магазин, бросился вперёд, поливая уже не огрызающийся проём градом свинцовых ос, влетающих в темноту прямоугольника, или выбивавших фонтанчики крошек битого кирпича из стен вокруг него.

Он с разбегу треснулся плечом о стену под проёмом, и только тогда прекратил стрелять. Его напарники прекратили стрельбу ещё раньше: когда он побежал вперёд.

Открыв подсумок, Керк достал не глядя два цилиндра, выдернул первую чеку. Аккуратно перебросил через подоконник, после чего метнулся вдоль стены к соседнему проёму, рука мягко забросила туда вторую гранату.

Осталось только кинуться наземь, и закрыть голову руками – от осколков и крошки штукатурки, что посыпалась сверху, когда обе гранаты с разницей в секунду рванули...

Не дожидаясь, пока осядет облако пыли, он подпрыгнул, и ухватился за подоконник, подтянулся. Влез без колебаний, автомат даже закинул за спину: был вполне уверен в действии наступательных средств подавления противника.

И точно: в полумраке полуобвалившегося перекрытия, чудом сохранившегося в комнате разрушенного почти до основания здания, в дальнем углу, лежал поверженный враг. Он даже не стонал. Чёрная лужа, уже натекшая под телом говорила о множественных ранениях, явно «несовместимых с жизнью». Жутко воняло плесенью и пылью: пыль лежала

на всём – на осколках битых кирпичей, на остатках развалившейся мебели, и, разумеется, на полу.

Керк подошёл поближе к телу. Да, здесь буквально веяло смертью: омерзительный привкус меди на губах сказал ему, что кровь существа тоже на основе гемоглобина...

Оружие, до неправдоподобия напоминавшее АК, валялось рядом с поверженным противником: поразительно, как схожие цели приводят к конвергенции технических решений.

Впрочем, вряд ли дело в этом: вероятнее всего это – выбор устроителей. Да оно и верно: незачем мудрить, снабжая их врагов каким-то другим оружием. Другое дело сами враги – вот над их образом явно мудрил не один инженер-креативщик...

Керк на всякий случай снова передвинул на грудь свой АК.

Но – нет. Остекленевшие глаза навывкате сказали, что существо действительно мертво. Керк постоял, чутко вслушиваясь в гнетущую тишину, сам не зная зачем – может, подсознательно хотел убедиться, что больше никто им в этой дыре не угрожает?..

Наконец он осторожно присел рядом, потом встал на колени.

Приложил руку к шее – пульса нет. Впрочем, чёрт их знает, этих искусственно созданных тварей: может, у них и не бывает пульса на шее?

Он пощупал непосредственно грудь. Даже приложил ухо. Нет. Ничего там не бьётся. И глаза... Он пальцами прикрыл по очереди все три огненно-красных буркала размером с небольшое яблоко. Бр-р-р!..

Сплюнув набившуюся в рот крошку штукатурки, Керк покачал головой. Если б не эти три глаза и костяной гребень по всей длине шеи и спины, издали этого монстра можно было бы запросто принять за человека: две руки, две ноги... Даже камуфляжный костюм почти как у них самих.

И почему это существо отказалось пропустить их?

Ведь Керк и правда: не собирался причинять ему вреда – он только хотел провести свою команду к выходу с этого Уровня... Жаль, конечно, что оно не понимало их языка.

Хотя, может, это именно его, Керка, преувеличенно спокойные и медленные жесты, и попытки договориться миром, существо как раз и восприняло как агрессию, и покушение на его территорию?

Конечно, всё может быть и так. Но теперь уже поздно предаваться бессмысленным сожалениям: именно вот этот «парень» и начал первым ругаться на них, а затем – и делать непристойные жесты. А затем – и стрелять!

А то, что их именно – оскорбляют, догадаться труда не составляло. Некоторые жесты весьма однозначны, к какому бы типу или виду не принадлежало разумное существо.

Керк вернулся к проему окна и свистнул. Помахал рукой. Две тени в камуфляжной одежде отделились от неровностей

местности, и бесшумно направились к нему.

Керк снова вздохнул, оглядывая типичный постапокалиптический ландшафт за их спинами, освещаемый тускло-оранжевыми лучами предзакатного солнца, и мысленно выругался: и как это он в свои почти семьдесят дошёл до жизни такой?

И чем всё это закончится?

Нет, не так: чем всё это *должно* закончиться?!

Неужели и правда – банальными опытами по размножению «элитных» производителей?!

Но ему-то грех жаловаться!

Жаловаться нужно членам той группы, где двум «элитным» самцам предоставили единственную самку!..

Выход нашёлся, как они и предполагали с самого начала, в центре огромного ангара, крышу которого не заметил бы даже с десяти километров только совсем уж крот. Керка, разумеется, напрягало, что здание столь чудовищных размеров сохранилось в почти нетронutom виде: разве что на стенах обозначились потёки от ржавой, вылезшей из-под бетона, арматуры.

Вход не перекрывали никакие ворота: он просто зиял темной дырой в три его роста. За боковинами никто, как было опасался Керк, не прятался. Странно. Неужели их так и выпустят: в центре ангара световым цилиндром обозначался круг выходных врат?

Он остановился, чуть пройдя внутрь гулкового пространства.

Женщины, клином держащиеся за его спиной, замерли на месте: научились понимать без слов! Теперь он был уверен, что оба фланга надёжно прикрыты.

Он одними губами сказал:

– Оставайтесь на месте, пока не позову! Займите позиции за укрытиями.

– Мгм.

– Поняли.

Не глядя он почуял, как его напарницы словно растворяются в глубине огромного тёмного пространства, занимая позиции: одна – за ещё одним гигантским колесом, другая – за штабелем чего-то вроде рельсов.

Керк двинулся вперёд, включив подствольный прожектор, и внимательно глядя вперёд, в обе стороны, и осматривая пол. Но кроме многолетних наслоений пыли пока ничего потенциально опасного не видел. Но чего он опасался? Может, тут – заминировано? Может, вот этот развалившийся ящик? Или вон та банка из-под пива?.. Нет.

Пока ничто не нарушало тишины. И только ощущение нависшей опасности продолжало сверлить мозг, не сбавляя оборотов.

В чём же дело?! Что не даёт ему спокойно провести своё воинство туда – в свет как всегда невидимых софитов и спасительную пучину круга врат?..

Он остановился в паре десятков шагов от светового круга. Вдруг рука как бы сама полезла в подсумок, достав гранату. Он выдернул чеку, отступил на пару шагов. Прицелился и метнул, сразу бросившись на пол, и заорав назад:

– Ложись!

От взрывной волны опрокинулись чёрные щиты, оказавшиеся за освещённым кругом: разглядеть их как следует до этого мешал слепящий свет! А ещё погасли прожектора, искусно замаскированные в выкопанных в полу ямах: Керк понял, что взрывом раздавило их лампы! Он крикнул назад:

– Огонь!

Сам тоже поторопился начать поливать градом свинца с трассирующими отряд монстров, укрывавшихся за щитами. Теперь, когда света внутри помещения не было, он имел ещё преимущество за счёт своего прожектора: мишени видно отлично!

Женщины тоже не подвели: он прекрасно видел, как пули вонзаются в неопределённой формы тела, а сам целился пониже: хотел прикончить тех, кто, как и он, лежал!

Не прошло и нескольких десятков секунд, как выстрелы со стороны противника прекратились. Но Керк не успокоился, пока не метнул в ту сторону ещё пару гранат.

Подойдя к лже-выходу, он внимательно осмотрел тела: этот мёртв, этот тоже... Ага: вот он, голубчик!

Он махнул рукой, свистнув. Сам опустился на колени, и не особо церемонясь, схватил существо, харкающее кровью

при каждом выдохе, за шиворот:

– Н-ну?! Говори: какого ... рена вам от нас надо?! Почему вы напали на нас?!

Существо смотрело на него со странным выражением: Керк подумал, что если б так смотрел человек, это однозначно можно было бы воспринять, как торжествующее злорадование! Но ответа он так и не дождался: три огненно-красных в свете его фонаря глаза подёрнулись мутной пеленой, и зрачки закатились...

Он закрыл глаза и этому. Про себя выругался: ничего не узнал.

Полина, незаметно подошедшая сзади, проворчала:

– Вообще-то – это мы напали на них.

– Да?! А вот это ты видела?! – Керк ткнул пальцем, потом вспомнил, что взрыв уничтожил то, что он-таки заметил своим обострившимся и полностью восстановившимся зрением: тонкую, почти невидимую леску растяжки, и, за пределами светового круга, три гранаты типа «Ф-1», осколки от которых способны убить на расстоянии до ста шагов.

Он поторопился рассказать о том, что увидел.

Рахель покачала головой:

– Чёрт возьми. Похоже, они нас ждали. Готовились. Но...

Откуда?! И – почему?

– Вряд ли мы это теперь узнаем. Они ведь... Надеюсь – мертвы?

– Точно. Мы проверили всех.

– А сколько их было?

– Восемнадцать. Десять сидело за щитами, остальные – в укрытиях по периметру. Мы с Полиной их «подчистили».

– Молодцы. Выражаю вам благодарность от лица командования. – он выдавил кривоватую улыбку.

– Служим мужу и Семье! – Рахель вскинула ладонь к виску, Полина, хихикнув, повторила жест.

Керк подумал, что, похоже, основные приоритеты Главной Цели их крохотного коллектива, пусть и в виде шутки, но сформулированы чертовски точно.

– Ладно, врагов мы всех убили и поджарили, мы крутые, мы – лучше всех, бла-бла-бла... Где мы теперь выход-то найдём?! – Полина перекинула автомат за спину.

Керк пожал плечами:

– Не думаю, что это – такая уж серьёзная проблема. Выход найдётся сам. Наверняка он где-то поблизости: иначе эти гады ловушку не стали бы устраивать именно здесь! Поэтому сейчас мы поищем лестницу, или ещё чего, чтоб забраться на крышу, и поищем.

Лучики пробивающегося сквозь щели света.

На крышу удалось попасть по ступеням ржавой железной лестницы, обнаружившейся снаружи, в одной из торцевых стен ангара. А вот с «лучиками» света оказалось посложней: во мраке ночи, не смягчаемом ни светом звёзд, ни сиянием луны, ничего нигде не светилось.

– Ладно, согласен: так вот, прямо в лоб, не удалось. Будем

судить по косвенным приметам.

– Это как?

– Да очень просто. Где навалено больше всего мусора и каких-то обломков?

– Вон там! Прямо за этим ангаром! Огромная гора!

– Значит, логично сделать вывод, что свет, исходящий от какого-то источника именно там, как раз и пытались скрыть. Пошли. Придётся повозиться.

Повозиться пришлось.

Но когда разгребли и растащили какие-то остатки ящиков из досок и коробок из толстеного картона и пластика, под ними действительно обнаружилась площадка со светом – точно такая же, какая по описанию Полины ждала их при спасении от марабунта.

Керк вздохнул:

– Ну что? Ни у кого не возникло желания... Пожить теперь здесь?

– Нет.

– Нет!

– Хорошо. Я тоже – за возвращение в «родные» стены любимого лифта.

И спальню.

В «спальне» сегодня обошлось без успокаивающих и повышающих иммунитет игрищ. Керк обеспокоился: ссылать-

ся на усталость и «побаливающую голову» его женщинам раньше в голову не приходило...

Зато он отлично помнил по прошлой, земной, жизни, что организм забеременевшей женщины отторгает секс – по крайней мере в первые месяцы: чтоб не навредить крохотному плоду и не допустить выкидыша!

Однако «жёнам» он про свои подозрения и раскладки не сказал. Во-первых потому, что не был точно уверен. А во-вторых, те и сами отлично всё это знали. Да и по времени пора бы уж. Каждая выглядела воистину убойно в свои не более чем тридцать лет! И если и «зачинать» младенцев – то как раз в этот, самый цветущий и зрелый, возраст!

Керк понимал, что и сам сейчас стал куда крепче и подтянутей, чем в свои настоящие тридцать: таких плотных мышц у него никогда не было! И взгляд – он это чувствовал! – светится целеустремлённостью и силой!

Вот гады инопланетные!

Похоже, они сделали-таки из него Элитного, призового, кобеля!

– Нет!!! Ты не можешь так с нами поступить!!!

– Почему это?

– Потому! Ты же – *отец*! И твой долг прежде всего – обеспечить выживание твоего потомства! – Рахель потрясла перед его носом крохотным созданием с пухленькими ручонками, и ножками в перетяжках.

Создание тут же начало хныкать, открыв ещё водянистые и плавающие глазёнки.

Полина, кормившая грудью, в диспуте не участвовала: не хотела беспокоить своего малыша.

Керк выругался – мысленно – и воздел очи горе:

– Да, я отец! И именно поэтому я и обязан узнать, что ждёт моих детей дальше! Какую судьбу нашим детям уготовали проклятые твари! Я не желаю, чтоб из моих – нет, из наших! – детей, делали подопытных кроликов!

– Баран! Из них уже всё сделали! Как и из нас! Некуда нам отсюда деваться!!!

– Вот! Вот именно! Но мы же не попробовали дойти всё-таки до конца!

– И ты вот сейчас бросишь нас на растерзание зелёным гадам, и слиняешь от ответственности?!

– Ни от какой ответственности я не линяю! Вас тут регулярно и без каких бы то ни было усилий с моей стороны – кормят! И, спорю на свою новую челюсть, и будут кормить, пока дети не вырастут!!! Но вот что – потом... – он заткнулся, исчерпав в сотый раз повторенные аргументы.

Махнул рукой, и шагнул в непривычную пустоту лифта.

Створка захлопнулась, возможно, навсегда отделив его от его Семьи. Ради которой, ради будущего которой, как он думал, он и хотел выяснить всё. До конца.

Неторопливо, маленькими скупыми глотками, он допил свою порцию воды. Съел шарик. Вкус... Странный.

За дверью лифта оказался Полигон.

Нет, не какой-то изошрённый, а самый обычный, армейский. С полуоплывшими от явно терзавших его долгие годы дождей и снегов окопами, покосившимися столбами с ржавой колючей проволокой, и пожелтевшей и выгоревшей травой. Не иначе, сейчас здесь осень!

Он, поняв, что спецоборудования ждать не приходится, двинулся вперёд: очередной столб света имелся прямо перед глазами, милях в десяти.

Странно, но никто не спешил на него нападать. Он неустанно вертел головой во все стороны, и даже останавливался, чтоб подолгу взглянуться в подозрительные кусты, или зияющие запустением щели окопов и траншей. Нет, никого!..

Однако примерно к середине дистанции он обратил внимание на странные вещи, происходившие с ним самим.

Руки и ноги словно стали слабее. Он внимательно осмотрел их.

Ого!

Пальцы и плечи словно усохли! Стали тоньше и слабее! Ноги...

О-о!.. Ноги тоже похудели. И кожа, обтягивающая мышцы, словно истончилась...

Что это с ним?! Почему горизонт стало видно куда хуже: словно он стал ниже ростом?! Да что же это...

Он хлопнул себя по лбу: идиот!

Его Хозяева явно не намерены дать ему дойти до КОНЦА!!!

Поэтому просто усилили ту программу, что работала с их организмами через пищу и воду: он стремительно *молодеет!!!*

А поскольку младенцы – ни ходить, ни тем более, бегать, не могут, он припустил во все лопатки!

Так он не бегал даже от марабунта!

Дыхание, всё истончаясь, с хрипом и кашлем вырывалось из уже худенькой и слабеющей буквально с каждым шагом, груди! Ноги становились всё короче и слабей, каждый шаг становился короче и неуверенней! Горизонт...

Нет, ещё видно, но как же сузился его круг!

А врата выхода всё не приближаются! Нет, приближаются, но до чего медленно!..

Он уже не бежал, а шёл. Ещё точнее – ковылял.

На заплетающихся кочерёжках, уже с перетяжками и пухленькими ступнями... Где это он такие ступни и перетяжки совсем, кажется, недавно?..

Неважно!

Важно – дойти! Успеть! Ведь мозг ему пока удаётся сохранить!..

Вскоре он мог только ползти.

Но двигался упорно, сдирая в кровь локти и колени, а затем – и живот...

Вот и кромка круга. Но сил вдвинуть крохотное тельце

туда уж совсем не хватает.

Чудовищным усилием воли он заставил тельце развернуться вдоль кромки, и вкатился туда, где...

Вселенная разошлась и снова сомкнулась.

В глаза ударил резкий ослепляющий мертвенно-белый свет.

Он почувствовал, как его тельце, голое и беззащитное, хватают. И поднимают, развернув куда-то.

Прямо в уши заревел чудовищно громкий голос:

– Поздравляю, миссис Броснан! У вас мальчик!

Керк почувствовал, что проваливается в пучину липкого страха – да что там страха: ужаса!..

Ему въехали по лицу. Потом – ещё раз. И ещё.

Он открыл глаза.

Кто-то прокомментировал:

– Ну наконец-то. Хватит, говорю, орать! Ты всех перебудил! Небось, чёртовы зелёные вообще объявили аврал: ты так вопишь, что слышно на Малой медведице!..

Рахель.

Привычная цинично-спокойная интонация словно бальзам на трепещущее, как у загнанного зайца, сердце: *своё*, такое родное!..

И он – ещё здесь. А не отправился, словно последний кретин, искать «правды» или «лучшей доли» для их ещё нерождённых детей!

Обеспокоенное лицо Полины возникло из-за спины Рахель:

– Вот! Намоченное! Приложи ему...

Рахель шмякнула холодное и мокрое полотенце прямо Керку на лицо:

– Ну, если и это не поможет, уж и не знаю!..

Керк поспешил холодное полотнище с лица убрать:

– Хватит! Успокойтесь! Я... Проснулся.

– Ну то-то! А уж как орал, как орал!..

Ну, что будем делать? Расслабляющий массаж? Или... Секс?

Он просто и легко рассмеялся.

Какое счастье!..

Не-ет, он от них никуда не уйдёт.

А если им действительно даруют такое счастье – родить детей, он от них и вообще – ни ногой! И слава Богу, что ему приснился именно такой кошмар!

Потому что то, что он подумывал втайне, на эту ситуацию... Где-то близко.

И вот: то ли ему показали, то ли это – его подсознание вычислило, какой его может ждать бесславный и бессмысленный итог.

Нет уж. Никаких «выяснений».

Да и трусливый это выход. Вот именно: бегство от своих обязанностей!

Он откинулся на матрац поглубже:

– Лапочки мои. От расслабляющего массажа откажется только идиот.

А уж от секса с *вами!*..